

350383

А. В. Журавскій.

Евронейскіѣ Русскіѣ Сѣверѣ.

Къ. вопросу
о грядущемъ
и прошломъ
его быта.

Съ 12 рисунками въ текстѣ по фотографіямъ Д. Д. Рудивва.

Цѣна 50 коп.

доходъ отъ продажи изданія поступаетъ на усиленіе средствъ Архангельскаго Общества
изученія Русскаго Сѣвера.

Архангельскъ.
Губернская Типографія.
1911.

Архангельскому Обществу изученія Русскаго Сѣвера, за его полезную дѣятельность, экспертной Комиссіей Комитета выставки морскихъ экскурсій и видовъ въ 1911 году, присужденъ почетный отзывъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1911-й ГОДЪ

Годъ изданія
третій.

Н А

Годъ изданія
третій.

„Извѣстія Архангельскаго Общества изученія Русскаго Сѣвера“

(ЖУРНАЛЪ ЖИЗНИ СѢВЕРНАГО КРАЯ).

Выходитъ 1-го и 15-го числа cadaго мѣсяца.

ЗАДАЧИ и ДѢЛИ ОБЩЕСТВА ОПРЕДѢЛЯЮТЪ ЗАДАЧИ „ИЗВѢСТІЙ“:

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

Узаквѣненія. Распоряженія и постановленія правительственныхъ и общественныхъ учреждений центральныхъ и мѣстныхъ, имѣющія отношенія къ жизни Сѣвера.

Текущая дѣятельность Архангельскаго Общества изученія Русскаго Сѣвера.

Отдѣльные статьи и доклады по изученію Сѣвера и выясненію условий его развитія. Обсужденіе предположеній, направленныхъ къ измѣненію условий жизни и производительности Сѣвера.

Хроника частной, правительственной и общественной инициативы въ дѣлѣ изученія Сѣвера, развитія его производительныхъ силъ и условий жизни населенія.

Отдѣльныя замѣтки и сообщенія о жизни края и ея изученія. Очерки жизни. Сообщенія изъ иностранной жизни, связанные съ интересами Сѣвера.

Обзоръ литературы о Сѣверѣ.

Справочный отзывъ. Консультация по вопросамъ, связаннымъ съ дѣятельностью Общества (отвѣты редакціи).

Объявленія.

Подписная плата: 1) для всѣхъ членовъ Архангельскаго Общества изученія Русскаго Сѣвера 3 руб. въ годъ; 2) для сельскихъ священно и церковно-служителей, учителей, вольныхъ писарей, фельдшеровъ и акушеровъ 3 руб. въ годъ; 3) для прочихъ подписчиковъ 4 руб. въ годъ.

Допускается разсрочка по полугодіямъ и по четвертямъ году, при взносѣ денегъ впередъ. Плата за объявленія на первой страницѣ журнала — 20 коп. за строку петида, на послѣдней — 10 коп.

Подписка на „Извѣстія А. О. И. Р. С.“ принимается во всѣхъ почтовыхъ и почтово-телеграфныхъ учрежденіяхъ Имперіи безъ уплаты 15 коп. за переводъ денегъ.

Въ Архангельскѣ подписка и объявленія принимаются: въ Городской Публичной библіотекѣ, въ магазинѣ Об-ва Потребителей и въ книжныхъ магазинахъ: Булычевой Шашковской и Коганъ.

Гг. иногородніе публикаторы и подписчики благоволятъ обращаться по адресу: Архангельскъ, Правленіе АРХАНГЕЛЬСКАГО ОБЩЕСТВА ИЗУЧЕНІЯ РУССКАГО СѢВЕРА.

Рукописи слѣдуетъ направлять по адресу редакціи. Статьи и корреспонденціи оплачиваются по усмотрѣнію редакціи.

Пробные №№ высылаются за 4 семикоп. марки. За перемѣну адреса взимается 4 семик. марки.

Издатель Архангельское Общество
изученія Русскаго Сѣвера.

Редакторъ В. Ленгауэръ.

(См. стран. 34).

Евронейскіѣ Русскіѣ Сѣверѣ.

Къ вопросу
о грядущемъ
и прошломъ
его быта.

Съ 12 рисунками въ текстѣ по фотографіямъ Д. Д. Руднева.

Европейскій Русскій Сѣверъ.

(Къ вопросу о грядущемъ и прошломъ его быта).

94,9 1/2 0%.

А.—Сѣверный районъ.
Б.—Эстляндская губ.

Вмѣсто эпиграфа къ этой небольшой статьѣ, я даю сравнительныя площади Сѣвернаго района Европейской Россіи (А) и Эстляндской губерніи (Б). Въ первомъ—казнѣ принадлежитъ около 95% всей поверхности, во-второй—0%.

Нелѣпный, несуразный, рѣжущій зрѣніе эпиграфъ.

Но—такова дѣйствительность, И дай-то Богъ, чтобы внѣшняя несуразность сосѣдства этихъ двухъ эпи-диаграммъ, подавляюще, дико какъ-то, дѣйствующее на зрѣніе внѣшнее, отразилась-бы на внутреннемъ зрѣніи русскаго человѣка, т. к., вѣдь, эта несуразность, несообразность—просекція дѣйствительнаго явленія.

А дѣйствительность эта такова, что казенныя, государственныя земли одного только Сѣвернаго района составляютъ около 70% всей казенной и удѣльной земли Европейской Россіи (67,6%!).

Между тѣмъ, при этомъ, казнѣ принадлежатъ 98,2% всей гигантской площади земель, до сихъ поръ находящихся въ состояніи первобытнаго ландшафта, т. е. ни копейки не вносящихъ въ бюджетный балансъ Россіи. Эти 98,2% казенныхъ земель составляютъ 90,6% всѣхъ первобытныхъ, неиспользуемыхъ казенныхъ земель всей Европейской Россіи; а это значитъ, что болѣе 9/10, болѣе 90% этихъ казенныхъ земель остаются бездоходными, при чемъ сосредоточены всѣ въ одномъ Сѣверномъ районѣ и т. д.

Такъ говорятъ цифры Отдѣла Сельской Экономіи и Сельско-хозяйственной Статистики Г. У. З. и З.

Прибавимъ еще, что въ районѣ сосредоточено, по меньшей мѣрѣ, 50% всѣхъ казенныхъ лѣсовъ Европейской Россіи, тогда какъ земли, въ частности, Архангельской губерніи приносятъ казнѣ дохода едва 5 коп. съ десятины.

Между тѣмъ, двѣ губерніи Сѣвернаго района—Архангельская и Вологодская—будучи, независимо отъ площади, богатѣйшими по ископаемымъ, промысловымъ и скотоводческимъ возможностямъ, занимаютъ, по исчисленію Отдѣла Сельской Экономіи, болѣе 114 миллионъ десятинъ, или ровно 25% всей поверхности Европейской Россіи.

Конечно, никогда не можетъ быть тока въ нужномъ направленіи, если не проведены, предварительно, въ этомъ направленіи провода;

въ такой-же мѣрѣ, экономическое развитіе края, являющееся пропорціональнымъ слѣдствіемъ соответствующихъ мѣропріятій, не можетъ быть причиною своего слѣдствія и не наступитъ, не можетъ наступить до тѣхъ поръ, пока не будетъ предпринято то, что должно вызвать жизнь „мертвыхъ земель“, мертвыхъ миллиардовъ. Безъ дорогъ — культура недвижима; по неправильно проведеннымъ дорогамъ, по дорогамъ, проведеннымъ безъ учета послѣдствій отдаленнаго грядущаго и безъ ясно представленной апріорной программы историческаго развитія экономіи, -- и движеніе культуры будетъ неправильное, и при всѣхъ данныхъ для симфоніи, даетъ лишь какофонію.

Маленькая, ничтожная въ государственномъ бюджетѣ монетка — гривенникъ годового дохода.

Но когда рѣчь идетъ о площади, составляющей $\frac{1}{4}$ всей Европейской Россіи, заключающей около 70% всѣхъ казенныхъ земель и 65% всѣхъ казенныхъ лѣсовъ (64,7%) Европейской Россіи, -- тогда приливъ въ годовой бюджетъ Россіи по „лишнему“ гривеннику съ десятины составляетъ вопросъ прилива уже „лишнихъ“ $11\frac{1}{2}$ милліоновъ золота.

И, казалось-бы, разъ это такъ, — основательно-ли опасеніе затраты даже и въ 11 милліоновъ, если они дадутъ $11\frac{1}{2}$?

Между тѣмъ, едва-ли потребовалась бы и такая затрата, чтобы повысить доходность сѣверныхъ казенныхъ земель не только на гривенникъ, но и на полтинникъ.

Съ двумя только истинами надо считаться въ вопросахъ государственной экономіи. Во-первыхъ — „время-деньги, а потерянное время — потерянные деньги“; и во-вторыхъ — положеніе, высказанное еще Джономъ Стюартъ-Миллемъ: «когда цѣль состоитъ въ томъ, чтобы надолго улучшить положеніе народа, тогда незначительныя средства не просто производятъ незначительное дѣйствіе, а вовсе не производятъ *никакого* дѣйствія».

Въ этомъ, наряду съ предубѣжденіями и предразсудками противъ нашего Сѣвера, не считавшимися не только съ возможностями (потенціальными богатствами), но и съ данными дѣйствительности, — и кроется причина тому, что, хотя и дѣлалось кое-что для Сѣвера, но, пока правительство послѣдняго времени на болѣе интенсивныя мѣропріятія, — $\frac{1}{4}$ всей Европейской Россіи, прилегающая къ столицамъ Имперіи и омываемая 10-тысяча-верстной полосой россійскихъ территоріальныхъ водъ, считалась лишь „окрайною“ и ею-же пребывала въ дѣйствительности.

Снова возвращаю вниманіе русскихъ людей къ диаграммѣ, служащей эпиграфомъ къ настоящей статьѣ.

Въ частности, Печорско-Мезенскій край занимаетъ площадь, равную площади всей Архангельской губерніи (около 75 милліоновъ десятинъ), а одинъ только Печорскій край (бассейнъ Печоры), наиболѣе «забытый», составляетъ 75% всей поверхности Архангельской губерніи.

Мнѣ представляется, что эти цифры сами собою отвѣчаютъ на вопросъ: «почему Печорскій край», когда рѣчь идетъ о привлеченіи къ этому краю не того вниманія, которое представляетъ собою, какъ нынѣ, болѣе «любопытство», но того прочнаго вниманія, которое имѣетъ слѣдствіемъ энергичныя мѣропріятія, активную дѣятельность государства и предпріимчивость національнаго общества.

Наши географическія представленія о нашей родинѣ прогрессируютъ по мѣрѣ и по направленію отмиранія того первобытнаго кочевого и полукочевого быта, съ психологическими традиціонными останками котораго призывалъ Россію всемѣрно бороться, Дм. Ив. Менделѣевъ въ своемъ классическомъ для Россіи трудѣ „Къ познанію Россіи“.

Такъ еще въ 1581 году въ латинскомъ описаніи „Европейской Сарматіи“, посвященномъ королю Стефану Баторію (см. № 1 за 1911 г. „Извѣстій Арх. Общ. изуч. Р. С.“) Александромъ Гуагнусъ о „Двинской провинціи“ говорилось, что жителямъ ея „употребленіе хлѣба совершенно неизвѣстно“, о „Вологодской провинціи“—что ея жители „совершенно не знаютъ употребленія хлѣба“, о „Пермскомъ краѣ“,—что „жители этого края очень рѣдко питаются хлѣбомъ“, о „Вятскомъ Краѣ“—что „*весь почти край болотистъ и безплоденъ*“.

Не таковы-же ли еще и нынѣ представленія большинства русскихъ людей объ Архангельской губерніи и, въ частности, о Печорскомъ краѣ? Многіе-ли знаютъ, что на Печорѣ уже болѣе 400 лѣтъ (въ Устьцильмѣ) существуетъ хлѣбопашество? Многіе-ли знаютъ о томъ, что, даже по даннымъ официальныхъ статистическихъ отчетовъ, урожаи здѣсь выше, чѣмъ въ 50% остальной Россіи, несмотря на дико первобытное землепользованіе и отвлеченіе доходнѣйшими промыслами, что, несмотря на отсутствіе путей сообщенія и прочихъ условій для возникновенія и развитія экспортной торговли масломъ, въ Печорскомъ уѣздѣ, при малой его заселенности,—наивысшее количество головъ не только оленей, но и молочнаго скота и лошадей? И т. д.

А между тѣмъ, если бы и не было налицо этихъ условій, если-бы и нынѣ царили тѣ условія первобытнаго ландшафта, какія были въ Пермскомъ и Вятскомъ краѣ въ XVI вѣкѣ, то развѣ ничего не говорило-бы сравненіе того, „чѣмъ былъ“ этотъ край тогда и „чѣмъ сталъ“ нынѣ?

А былъ этотъ край—„болотистымъ и безплоднымъ“; сталъ-же—„житницею Урала“, занимающею нынѣ, по даннымъ Отдѣла Сельской

Экономія, 57% *всей посѣвной площади* Европейской Россіи подъ озимой рожью, овсомъ, яровой пшеницею, ячменемъ, льномъ, гречихою, горохомъ и картофелемъ; въ немъ, изъ прежнихъ „болотистыхъ и бесплодныхъ земель“ осталось всего менѣе 6%; отдаетъ ежегодно *болѣе четверти миллиарда пудовъ* зерна, хотя его пахотная площадь составляетъ лишь 7% *всей пахотной земли* Европейской Россіи.

Пусть близкое будущее нашего близкаго Сѣвера не такъ блестяще, какимъ оно рисуется пионерамъ „сѣвернаго вопроса“, судить правоту и вѣру которыхъ, конечно, сможетъ только само будущее, т. е. исторія; но, несомнѣнно, что оно не такъ мрачно, какимъ представлялось еще 10 лѣтъ назадъ, до первыхъ выступленій А. С. Нормана.

Пусть изъ учетовъ, вѣры и надеждъ пионеровъ вопроса будетъ извлеченъ квадратный корень: все-таки въ итогѣ получится число со знакомъ „плюсъ“, а не „минусъ“, какъ это было прежде. А и этого уже немало, т. к. если-бы этого не произошло, то Россія была-бы несостоятельною во владѣніи и использованіи *цѣлой четверти всѣхъ государственныхъ земель* Европейской Россіи!

Конечно, только будущее можетъ судить „пророковъ Сѣвера“ — людей будущаго; только исторія сможетъ выяснить опредѣленно, что было ближе къ истинѣ: вѣра или невѣріе, и къ какой точкѣ приложенія этихъ двухъ силъ развитія человѣка и человѣчества пройдетъ „равнодѣйствующая“ фактической жизни русскаго Сѣвера.

Сейчасъ-же можно предсказать съ увѣренностью лишь то, что эта „равнодѣйствующая“ грядущей дѣйствительности пройдетъ, во всякомъ случаѣ, дальше отъ той точки отрицанія, около которой „сѣвѣрный вопросъ“ удерживался въ наши дни, когда, какъ шутовской колпакъ на Чацкомъ фамусовскаго времени, „влеченіе“ пионеровъ къ идеѣ и ся претворенію въ дѣятельность и дѣло обращается въ клеймо, въ предметъ насмѣшки и пренебреженія, — путемъ произвольной приставки буквы „у“; и люди, беззавѣтно „влекомые“ къ благу родной страны, т. е. любящіе ее до той степени, когда говорятъ „не могу молчать“, и „не могу не дѣлать“, — становятся, просто, людьми „увлеченія“, „увлекающимися“, отъ чего такъ-же близко до перевода ихъ въ разрядъ „авантюристовъ“, какъ „отъ великаго до смѣшнаго“...

Глубоко правъ Ѳ. Крыштофовичъ въ своихъ статьяхъ „Примѣръ Аляски“ и „Аляска и нашъ Сѣверъ“. Заканчивая сообщеніе объ опытахъ американцевъ въ районахъ „гораздо болѣе сѣверныхъ“ Архангельска и Устьицльмы, г. Крыштофовичъ говоритъ: „надѣюсь, я здѣсь привелъ факты. Противъ фактовъ, обыкновенно, не спорятъ. Впрочемъ, при добромъ желаніи... Ахъ, если-бы то время и энергія, ко-

торыя въ Россіи уходятъ на бесплодные споры, были посвящены дѣлу, какъ много было-бы его сдѣлано!“

Однако, эти бесплодные споры—споры о вѣрованіяхъ, игнорирующие факты,—неизбѣжная, при наличномъ безвѣріи большинства, стадія рожденія и развитія новыхъ истинъ,—причина, почему нельзя не учитывать этой психологической неизбѣжности при обсужденіи и оцѣнкѣ новыхъ идей. Въ дни ли зарожденія христіанства, въ дни-ли казни Лавуазье, въ дни-ли наши и грядущіе—но неминуюмо, какъ пѣкогда книжники, фарисеи и первосвященники, именно „первые и лучшіе люди народа“ и общества объявляли „фанатиками“ (—„увлекающимися“) и даже „шарлатанами“ піонеровъ тѣхъ истинъ, которыя вскорѣ становились аксіомами и казались „ясными какъ свѣтъ“. И съ этой точки зрѣнія, какъ это ни парадоксально, ростъ травли, вражды, клеветы всегда знаменовалъ собою близкую смерть старыхъ вѣрованій, предвѣщалъ торжество новыхъ; и психическія, моральныя страданія людей, вносившихъ новыя истины въ жизненное руководство своего народа или всего человѣчества, тягостныя нравственныя переживанія, преждевременно разрушавшія мозгъ и легкія піонеровъ,—были и будутъ необходимыми предтечами родовъ историческихъ истинъ грядущаго. Психологическіе факторы этого общественнаго антагонизма—барометръ силы нарождающейся идеи и безсилія тѣхъ, кто безъ вызововъ принимаетъ ее за вызовъ и за посягательство противъ равновѣсія неустойчиваго міропониманія.

„Нѣтъ пророковъ въ отечествѣ своемъ“... Въ этой истинѣ, вѣчно старой, но вѣчно новой, лишь немногіе судьи новыхъ идей и открытій (открытій) видятъ руководящее предупрежденіе объ опасности „засудить“ то „новое“, которое можетъ и должно дать благо краю, странѣ или человѣчеству. Вспомнимъ, въ этомъ направленіи, хотя-бы знаменитаго Майера, доказавшаго соотношеніе между солнечнымъ свѣтомъ и разложеніемъ углекислоты растеніями,—аксіомическую прикладную истину нашего вѣка. За его признаніе себя христіаниномъ (какъ въ наши дни—націоналистомъ), не менѣе знаменитый Карлъ Фочтъ росчеркомъ полемическаго пера объявилъ открытія, не имѣвшія ничего общаго съ личными религіозными и политическими убѣжденіями Майера, словами „человѣка выпущеннаго изъ сумасшедшаго дома“. И (какъ пишетъ проф. Тимирязевъ) „отвергнутый учеными, но сознавая значеніе своихъ идей, Майеръ вскорѣ сдѣлался посмѣшищемъ и предметомъ преслѣдованій всѣхъ окружающихъ, начиная съ ближайшихъ членовъ своей семьи. Мало по-малу, сложилось мнѣніе, что онъ страдаетъ маніей величія. Можно себѣ представить положеніе человѣка, обреченнаго на жизнь въ ничтожномъ провинціальномъ городишкѣ, окруженнаго завистливымъ злорадствомъ мелочной среды, встрѣчающаго главныхъ враговъ въ самыхъ близкихъ, въ родственникахъ, въ женѣ, находившей, что лучше-бы ему

бросить свои бредни и побольше заниматься врачебной практикой, — въ дѣтяхъ, которымъ внушали, что отецъ — полоумный сумасбродъ. Измученный этой мелочной, всedневной борьбой, не встрѣчая нигдѣ справедливости, Майеръ не выдержалъ и впалъ въ тяжкую меланхолю“... и т. д.

По этому трафарету протекаетъ біографія и піонеровъ нашего вѣка, если или („пока“) къ проповѣдуемымъ ими истинамъ нельзя примѣнить „пріемъ“, опредѣленный Гельмгольцемъ четырьмя исчерпывающими словами „la conspiration du silence“, или „конспираціи молчанія“, диктуемой „мелкой завистью цеховыхъ ученыхъ“ (а тѣмъ болѣе провинціальныхъ литераторовъ).

Л. Н. Толстой говорилъ: „надѣяться и вѣрить — главное условіе осуществленія; не вѣрить — главное препятствіе осуществленія“, а „залогъ побѣды — только готовность умереть за истину“.

И наше маловѣрное общество, какъ-бы инстинктивно и подсознательно, травлю и моральными пытками, какъ-бы стремится опредѣлить силу истины; и это — требованіе прогресса — ибо „страданіе — признакъ и причина роста“ и потому „величайшее благо“, и „не росту истины, а росту ея въ насмѣхающемся вредить насмѣшка“. „Человѣкъ слабѣетъ, ища силу внѣ себя“, и потому-то несправедливости и отсутствіе поддержки — источники силы піонеровъ, вѣра и сила которыхъ растутъ по мѣрѣ роста, въ той или иной формѣ травли, рассчитанной на парализацію ихъ... „Трудно злымъ предполагать въ другихъ доброе: таково ужъ свойство добродѣтели, что она, обыкновенно, въ людяхъ злыхъ возбуждаетъ къ себѣ ненависть“ — только, мы основанія для той ненависти ищемъ не въ томъ, кто ненавидитъ, а въ томъ, кого ненавидятъ, и забываемъ стереотипную въ исторіи прогресса истину словъ Шиллера о томъ, что „мѣриломъ справедливости не можетъ быть большинство голосовъ“.

Если я позволяю себѣ такъ много мѣста удѣлять этой психологической сторонѣ, то — по двумъ причинамъ: во первыхъ — эта сторона неразрывно связана со всѣмъ грядущимъ нашего Сѣвера и долго еще будетъ служить сгущеннымъ мрачнымъ фономъ для развивающейся массовой переоцѣнки національнаго сѣверопониманія; съ другой стороны — волею судьбы и силою обстоятельства, я — одинъ изъ подсудимыхъ грядущей исторіи Сѣвера и, пользуясь тѣмъ, что истекаетъ десять лѣтъ со дня моего перваго общественнаго выступленія, я хотѣлъ замкнуть этотъ періодъ нѣсколькими строками, которые, завѣдомо, „гласъ вопіющаго въ пустынь“ въ дни моей жизни, но будутъ учтены исторією грядущаго русскаго Сѣвера, призваннаго судить меня среди прочихъ, преступившихъ противъ традиціи и рутины силою вѣры въ Сѣверъ и влеченія ея.

И я вновь повторяю, что къ „сѣверному вопросу“, въ наличномъ его положеніи, вполне примѣнимо сказанное величайшимъ физикомъ

нашего времени (автором „Эволюція матеріи“) Лебономъ: „Вѣчная истина заключена въ словахъ Ламарка, сказавшаго: „каковы-бы ни были трудности при открытіи новыхъ истинъ, еще труднѣе заставить ихъ признать“. Подобныя изслѣдованія, подкапывающіяся подъ корни нашихъ знаній, потрясающія вѣковыя научныя знанія, обыкновенно вызываютъ раздраженіе, или ихъ обходятъ молчаніемъ („La conspiation du silence!“) до момента, пока ихъ подробно не воспроизводятъ многочисленные испытатели. Они тогда становятся настолько разбро-санными и обыкновенными, что трудно указать на ихъ инициатора. Но—неважно, что сѣявшій не жнетъ, достаточно, что жатва растетъ“.

То-же, иными словами, констатировано великимъ мудрецомъ—хри-стіаниномъ: Всякая значительная истина для того, чтобы войти въ сознаніе людей, должна *неизбѣжно* пройти *три ступени*. Первая ступень: „это такъ нелѣпо, что не стоитъ и обсуждать“. Вторая ступень: „это безнравственно“ (или—„шарлатанство“, „авантюра“, „симуляція“, „фанатизмъ“ etc.). Третья ступень: „да это давно уже всѣмъ извѣстно“.

Въ частности, въ „сѣверномъ вопросѣ“, какъ захватившемъ всѣ интеллектуальные слои нашего общества, на-лицо всѣ три эти ступени, и это показываетъ съ несомнѣнностью, что, во-первыхъ, въ положеніяхъ пионеровъ этого вопроса заключено не заблужденіе, а *истина*, и что, во вторыхъ, истина эта для нашей родины дѣй-ствительно значительна.

Еще Маркъ Аврелій сказалъ: „Помни, что измѣнить свое мнѣ-ніе и слѣдовать тому, что исправляетъ твою ошибку,—болѣе соотвѣт-ствуетъ свободѣ, чѣмъ настойчивость въ своей ошибкѣ“. Но на это нужны тѣ сила воли и благородство, которыя, если бы они были, уничтожили-бы „вѣчную истину“ психологическаго антагонизма съ его неизбѣжными „тремя ступенями“.

Иначе быть не можетъ. „Человѣкъ, желающій служить правдѣ и справедливости, долженъ быть готовымъ остаться въ одиночествѣ“, ибо, съ одной стороны, это одиночество—вѣрнѣйшій показатель пра-вой вѣры, а съ другой, какъ выразилъ Гербертъ Спенсеръ, „нѣтъ та-кой политической алхиміи, посредствомъ которой можно бы было по-лучить золотое поведеніе изъ свинцовыхъ инстинктовъ“ и „чѣмъ боль-ше будутъ вѣрить люди въ то, что они могутъ быть приведены чѣмъ-то внѣшнимъ, дѣйствующимъ само собою, помимо ихъ воли, къ измѣненію и улучшенію своей жизни, тѣмъ труднѣе совершится это измѣненіе и улучшение“.

Люси Малори все ту-же „вѣчную истину“ психологіи идейнаго антагонизма формулировалъ такъ: „Когда истина представляется ея врагамъ въ неопровержимой (фактами) формѣ, тогда они пускаютъ въ ходъ послѣднее средство, имѣющее въ ихъ распоряженіи: это очер-неніе людей, выражающихъ истину. Но, закидывая грязью людей, вы-

ражающих истину, они лишь покрываютъ землею сѣмя истины. и оно вырастаетъ тѣмъ быстрее“.

И этотъ „пріемъ“ уже на-лицо въ „полемику по сѣверному вопросу“; и въ немъ, опять-таки, залогъ силы и роста новой истины о „Приполярной Россіи“.—Правъ Паскаль, сказавъ, что „зло есть лишь невидимое нами по близорукости благо“...

И долго еще, вѣроятно, несмотря на примѣры американскаго Сѣвера, на факты дѣйствительности, на логику науки, на указаніе забываемаго прошлаго и исторіи, будутъ раздаваться поразительныя предостереженія „не восвать съ природою“, объявленіе химерическимъ травосѣянія — основы раціональныхъ луговодства и хлѣбопашества, запугиванія жупелами рутинны — „болотами“, которыми будто-бы являются „тундры“, и отсутствіемъ „готовыхъ угодій“ въ связи съ „трудностью меліораціи“, какъ-будто-намъ, русскимъ людямъ XX-го вѣка, „трудно“ до „невозможности“ то, что является основой быта Финляндіи, Швеціи, Норвегіи, Канады и что не было „труднымъ“ для русскихъ-же земледѣльцевъ XVI-го вѣка, начавшихъ „культуру“ и „меліорацію“ (а по-просту — расчистку и распашку) пынѣнней „житницы Урала“ тогда, когда она была еще „болотистымъ и бесплоднымъ“ краемъ, когда, конечно, край далеко не изобилуетъ „готовыми угодьями“, несуществующими тамъ, гдѣ царятъ лѣса и нѣтъ населенія; будутъ говорить о „громадныхъ заливныхъ прирѣчныхъ полосахъ“ не какъ о величайшемъ ресурсѣ возможностей раціональнаго скотоводства, а какъ о препятствіи для заселенія края, какъ долго будутъ еще говорить „съ пѣною у рта“ за стадное землепользованіе и противъ того индивидуальнаго, личнаго землепользованія, на которомъ основанъ столь сказочно-быстрый экономическій ростъ Америки, о которомъ Теодоръ Рузвельтъ сказалъ: „Успѣхъ отдѣльныхъ лицъ по устройству своего хозяйственнаго благополучія во всей нашей исторіи имѣлъ другое имя — *созиданіе націй*“ — созиданіе принципа, который у насъ въ Россіи, наоборотъ, стремятся нивелировать и разрушить, почитая національное единеніе за признакъ дикарства, а не прогресса, и противопоставляя чувству любви къ Россіи и къ ея грядущему антагонистическій, противоположный каноническій культъ — культъ національнаго самопрезиранія, принципъ отсутствія идейныхъ „влеченій“ съ предрѣшеннымъ отрицаніемъ русской исторической самобытности и съ озираніемъ на авторитетъ „Европы“, въ которомъ сквозитъ полный искренняго драматизма вопросъ: „Боже мой! что скажетъ княгиня Марья Алексѣевна“?! равнодушная къ Россіи и ради опасенія со стороны которой приговора „fi, mais donc!...“, люди, какъ мѣтко выразился Паскаль, „готовы быть трусами, только-бы

прослать за храбрыхъ“, стать измѣнниками своего народа, только бы не прослать „отсталыми“, „варварами“...

И этотъ культъ національнаго равнодушія и самооплеванія грозитъ привести насъ и въ области разрѣшенія „сѣвернаго вопроса“ на благо всей Россіи, какъ и въ областяхъ другихъ нашихъ мѣропріятій и начинаній,—къ тому „культу формы“ и культу вѣчнаго „завтрашняго дня“, въ результатѣ котораго наши экономическія заданія, вертясь, какъ бѣлка въ колесѣ, остаются безъ абсолютнаго поступательнаго движенія, несмотря на всю энергію относительно движенія и при всей возрастающей, тѣмъ временемъ, разницѣ между экономическимъ благополучіемъ Россіи и другихъ державъ-конкурентокъ; а приглашенія къ „осторожности“, къ непротивленію „естественному положенію вещей“ и ихъ инерціи къ „невоеванію съ природой“, въ завоеваніи и использованіи возможностей которой—„единое на потребу“ Россіи,—все это приводитъ ко всѣмъ траги-комическимъ историческимъ результатамъ „мѣропріятій“ крыловскаго „квартета“.

И не опасаясь повтореній, я снова приглашаю русскихъ людей сравнить тѣ строфы, какія внушила любовь къ краю финляндскимъ поэтамъ,—съ нашимъ русскимъ четверостишіемъ.

Финскій гимнъ Сѣверу гласитъ:

Нашъ край, нашъ край,—родимый край!
Греми, о, кликъ, святой!
Какихъ намъ горь, долинь ни дай,
Какихъ волна сторонъ ни знай,
Гдѣ любятъ такъ свой край родной,
Какъ любимъ сѣверъ свой!
Убогъ нашъ край, и будь такимъ
Корыстному душой!
Чужой—кичась, пройдетъ предъ нимъ,
— По миль онъ, миль сынамъ своимъ...
Нашъ миль нѣхеры, боръ густой,—
Тамъ край нашъ золотой!
Мы любимъ говоръ рѣкъ своихъ,
Своихъ ручьевъ полеть,
Унылый шумъ лѣсовъ густыхъ,
Сіянье лѣта, звѣздъ ночныхъ;
Все, все, что взглядъ иль пѣснь даетъ,
Чѣмъ сердце здѣсь живетъ!
Здѣсь мыслью, плугомъ, здѣсь мечемъ
Отцы вели свой бой;
Здѣсь... здѣсь во тьмѣ и яснымъ днемъ,
Равно покоситъ твердь во всемъ,
Здѣсь сердцемъ иплъ народъ родной,
Здѣсь финнъ несъ жребій свой.

Въ этихъ строфахъ чувствуется то „увлеченіе“, которымъ, правда, не дышитъ русское четверостишіе, исчерпывающее свою оцѣнку четверти площади всей Европейской Россіи словами:

„Вотъ Архангельскъ, вотъ Пинега,
Все болота да дѣса!—
Пропадай-жь моя телѣга,
Всѣ четыре колеса!“.

Смѣшно-ли это сравненіе? Не больно-ли за него? Приступая къ дѣлу съ такого рода „девиномъ“, мы не уйдемъ никуда и, конечно, „телѣга“ экономического и нравственного развитія нашей отчизны „пропадетъ“ со „всеми четырьмя колесами“ въ безотрадномъ и бесперспективномъ „болотѣ“ нашей бездѣятельности, нашего національнаго разединенія, нашей пессимистической пассивности, боящейся того „увлеченія“, которое есть лишь любовь къ Россіи и стремленіе къ „познанію Россіи“ на благо поколѣній, грядущихъ намъ на смѣну, — любовь къ Россіи, большая, чѣмъ minimum нравственности — законъ — любовь, доказуемая не словами, а дѣлами, и для которой жертва и самоотреченіе — непреодолимая потребность, — любовь, безъ существованія которой нѣтъ исхода изъ магическаго круга плачевныхъ результатовъ культа „формальнаго“ и ограниченнаго номинальнаго служенія грядущему своему народу. И кто не полюбитъ, любя Россію, русскій Сѣверъ такъ, какъ любятъ свой, болѣе суровый, Сѣверъ финляндцы, — тотъ не сможетъ сдѣлать для этого огромнаго забытаго Края то, что въ силахъ сдѣлать лишь вѣра и любовь и что безсильно сдѣлать формальное „служеніе въ предѣлахъ устава гражданской службы“ или снисходительныхъ циркулярныхъ нормъ, вынужденныхъ энергичное исполненіе долга считать за заслугу, т. е. за исключеніе.

Но — уже сдѣланы первые шаги правительства къ экономическому развитію русскаго Сѣвера, и, какъ ни робки, какъ ни микроскопичны, какъ ни несоразмѣрны еще эти шаги по сравненію съ общегосударственными интересами Россіи на Сѣверѣ, — тѣмъ не менѣе, это уже не прежніе палліативы, а дѣйствительные шаги впередъ. И „вѣчная истина“ психологическаго антагонизма можетъ замедлить процессъ, но не сможетъ удержать раздражающую силою исторической эволюціи завѣсу предразсудковъ, предубѣжденій и, вольныхъ и невольныхъ заблужденій, декорированную физико-географическими и статистическими абсурдами и скрывающую не только тѣ возможности, не учитывая которыхъ нельзя „познать Россію“ и сознательно двинуть ее на путь экономического и политическаго прогресса, но и фактическую дѣйствительность, несравнимо болѣе отрадную, къ счастью, чѣмъ царило о ней представленіе.

И уже близка „третья ступень“ для истины о грядущемъ русскаго Сѣвера.

Не страшно уже за грядущее Сѣвера... Но — страшно за то его „прошлое“, которое такъ необходимо для національнаго самоопредѣле-

нія и останки, реликвіи котораго такъ зловѣще быстро и невозвратно исчезаютъ;—за реликвіи *этнографическія*, вещественныя, реликвіи того кочевого быта, который едва сохранился еще въ Печорскомъ Краѣ и отъ котораго такъ глубоки, однако, психологическія слѣды въ бытовомъ укладѣ и русскаго народа и русской интеллигенціи, главное-же, — который налагаетъ столь специфическій отпечатокъ на сельско-хозяйственный бытъ современнаго крестьянства нашего Сѣвера.

Этнографія—чрезвычайно важная отрасль знанія, ибо безъ нея было-бы невозможно познать то прошлое и своего народа и всего человѣчества, безъ познанія котораго немислимы самосознаніе, національное самоопредѣленіе, пониманіе психологическихъ законовъ текущихъ историческихъ событій и моментовъ, ихъ оцѣнка и, главное, сознательное эволюціонно-историческое развитіе государства.

Немыслимо понять развитіе организма, какъ такового, со всѣми его чрезвычайно сложными видовыми, расовыми и индивидуальными признаками и свойствами, —безъ отчетливаго пониманія эмбриологіи, безъ изученія низшихъ и раннихъ моментовъ, или ступеней развитія „ab ovo“.

Вѣдь не только органы и матеріальныя соединенія или сочетанія явились результатомъ, слѣдствіемъ прогрессивнаго развитія, роста и усложненія (дифференціаціи) опредѣленныхъ зародышей, но и сами явленія, сами свойства матеріи, организмовъ и сообществъ развились изъ зародышей этихъ явленій, изъ зачатковъ этихъ свойствъ—зачатковъ мельчайшихъ, элементарныхъ порознь, порою, столь-же непохожихъ, ни по формѣ, ни по существу, на результатъ развитія, на совокупность, какъ не похожи, напримѣръ, видъ и свойства бурога удушливаго газа-хлора (Cl) и металлическаго натрія (Na) на видъ и свойства ихъ соединенія—бѣлосиѣжной поваренной соли (Na Cl). Мало похожи икринка или головастикъ на лягушку, яйца—на курицу, яичный бѣлокъ—на птичьи перья, жолудь—на гигантскій дубъ; но первые суть зародыши вторыхъ.

Вѣдь и алхимія была мало „похожа“ на современную аналитическую химію, „философскій камень“ былъ такъ мало похожъ на открытія Рамсая или Лебона, „астрологія“ была такъ далека до современной астрономіи, перерожденной Коперникомъ и Кантомъ-Лапласомъ и т. д. Но—безъ этихъ зачаточныхъ, полныхъ наивными нелѣпостями, бывшихъ „наукъ“ культа не явилось-бы и ихъ перерожденія въ современныя точныя знанія, въ которыхъ неясныя, подсознательныя предчувствія коллективнаго ума „дѣтей человѣчества“ подчинились экспериментальнымъ воспроизведеніямъ и математическимъ выраженіямъ, универсальнымъ отвлеченнымъ символамъ.

Такъ и этнографія есть, собственно, эмбриологія (исторія развитія) человѣческихъ—быта, идеаловъ, вѣрованій, міропониманія.

Какъ безконечно далека былъ идолъ фетишиста отъ Великаго Бога современнаго человѣчества! но—безъ жалкаго каменнаго или деревяннаго фетиша человѣкъ не смогъ-бы дойти до идеи Бога—идеи вѣчныхъ проблемъ сверхвѣда, идеи высшихъ идеаловъ личнаго и общаго совершенствованія, предѣла познанія безначальной міровой безконечности!

Въ „дѣтствѣ человѣчества“—основы для познанія и направленія грядущихъ путей человѣчества. Въ эпохахъ „дѣтства Россіи“—путь къ познанію Россіи, къ контрольному познанію тѣхъ историческихъ явленій нашей современности, которыя представляются намъ фатально сложными и не подчиненными правящей волѣ народа, но корни которыхъ просты и элементарны, какъ начальная клѣтка сложнѣйшаго организма: зародыши общественныхъ „золъ“—въ личныхъ каждомъ и всѣхъ.

И мы обязаны всемѣрно воспользоваться опытами сѣдого прошлаго, и чѣмъ ближе къ зародышамъ этого прошлаго мы проберемся, тѣмъ сознательнѣе, вѣрнѣе и увѣреннѣе пойдемъ „впередъ“!

Кому не ясно значеніе исторіи, въ смыслѣ вѣрнаго личнаго, національнаго, международнаго и общечеловѣческаго самосознанія!

А между тѣмъ,—гдѣ корни этой исторіи? вѣдь они никогда и нигдѣ не были записаны, они не дошли до насъ даже въ пережиточной формѣ легендъ и преданій, хотя-бы искаженныхъ, облеченныхъ въ несвойственную имъ анахроническую или полусовременную форму міропониманія.

Эти корни—въ языкѣ (нарѣчіяхъ), въ бытѣ и въ культѣ первобытныхъ народовъ.

А разъ это такъ, то кому не ясно, что именно Приполярная Россія заключаетъ въ себѣ послѣдніе останки (реликвіи) этихъ корней, готовыхъ уже навсегда отмереть, безслѣдно исчезнуть и стереться или переродиться въ новыя формы, до неузнаваемости и несравнимости, ни по существу ни по формѣ не похожіе на то, чѣмъ были онѣ прежде, когда питали вымершее міросозерцаніе, вымершіе кругозоры и идеалы.

Эмбриологія, сравнительная ботаника и зоологія, палеонтологія, физика и химія, кристаллографія, петрографія—эти науки всегда могутъ, совмѣстными усиліями, развивать и двигать пониманіе и познаніе далекаго матеріальнаго прошлаго; окаменѣлые аммониты, трилобиты, спириферы, криноидеи и т. д. не исчезнутъ, какъ не исчезнутъ амэбы и инфузоріи, бактеріи и дикотомеи.

Но матеріалы по палеонтологіи человѣческихъ быта и культа, деревянные и костяныя вещи, сдѣланныя рукой первобытнаго чело-

вѣрка — эти вещи слишкомъ недолговѣчны; а еще менѣе долговѣчны связанные съ ними принципы, обычаи, вѣрованія.

Прошлое многихъ предметовъ удастся возстановить лишь исключительно счастливому случаю или даже лишь по филологическому анализу, какъ и прошлое цѣлыхъ областей, на особенное значеніе изученія которыхъ для самопознанія „славянороссійскаго народа“ указывалъ еще, въ своихъ обширныхъ „путевыхъ запискахъ“ по нашему Сѣверу, академикъ Лепехинъ въ 1772 году.

Такъ, даже большинство современныхъ сѣверо-восточныхъ полярныхъ сомоѣдовъ, напимѣръ, не сможетъ уже вамъ объяснить не только культовыхъ мотивовъ орнаментовъ (вышивокъ, рѣзбы, инкрустаций), но и почему у куклы, вмѣсто головы, гусиный клювъ, почему у женской сомоѣдской шубы — „панцы“ подолъ — „панда“ изъ собачьей, а не иной, шкуры, почему у божественныхъ „сядейныхъ“ санокъ (для божковъ) именно 7 копыльевъ съ каждой стороны, у женскаго божка — двѣ пары кося, и т. д. и т. д.

Или возьмите, напимѣръ, туземныя названія табакерки, пороховницы, черепа, стрѣлы и т. д.; — переведите эти названія: деревянную табакерку вамъ назовутъ „деревянная табачная *кость*“ (пя-табак-лы), мѣдную пороховницу — „мѣдная пороховая *кость*“; — ясно, что еще исторически не такъ давно было время, когда всѣ эти вещи дѣлались изъ кости, когда не были въ употребленіи даже металлы и даже дерево, не поддававшееся тонкой отдѣлкѣ при помощи кремневыхъ и костяныхъ орудій, не употреблялось для выдѣлки мелкихъ предметовъ обихода.

И дѣйствительно, въ 1905—1907 годахъ удалось доставить въ музей антропологии и этнографіи имени Императора Петра Великаго при Императорской Академіи Наукъ много древнихъ сѣверо-печорскихъ предметовъ, сдѣланныхъ изъ костей и зубовъ мамонта, моржа, бѣлаго медвѣдя, оленя; но, какъ и огромное большинство предметовъ, освѣщающихъ вымершій и вымирающій культъ сомоѣдовъ и др. инородцевъ крайняго Сѣвера Россіи, добыть эти предметы удалось лишь съ большимъ трудомъ и лишь, какъ исключительныя рѣдкости; — эпоха костяной индустріи быстро вымираетъ окончательно и, т. к. кость разрушается быстрѣе и легче металловъ, слѣды этой позднѣйшей эпохи съ сопровождавшими предметы слѣдами „духа времени“ исчезаютъ навсегда, тогда какъ предметы культуръ болѣе древнихъ — чудскіе (металлическіе) и кремневые (неолитическіе) сохраняются въ курганахъ и въ мѣстахъ становищъ давно вымершихъ свидѣтелей „дѣтства Россіи“.

А рассмотрите географическія названія — рѣкъ, рѣчекъ, озеръ, бухтъ, хребтовъ, сопокъ, вершинъ, утесовъ! — Еще почти полтора ста

лѣтъ назадъ призывалъ къ аналитическому изученію этихъ названій, пока не поздно, академикъ Лепехинъ.—Какъ ужасно они перефразированы, искажены, до невозстановимости и непереводимости, и сколькихъ уже ни одинъ изъ туземцевъ не можетъ объяснить вамъ, что они значатъ.

Еще нетрудно возстановить такія вещи, какъ нарицательное „парма“=„Пеур-маа“ (оленья земля, Пермь), „Ижма“ (рѣка)=„Изь ва“ (каменистая рѣчка), „Пижда“=„Пыж ва“ (лодочная рѣчка) и т. п. Но никакимъ логическимъ анализомъ вы не разыщите, что „Хайпудыра“ слѣдуетъ читать „Хэудэ-подэра“ (проклятый перелѣсокъ), а стало быть, и что обозначаетъ наименованіе рѣки, нынѣ именуемой „Хайпудыра“. Или извольте возстановить, что оз. „Торовье“ слѣдуетъ читать „Тор и Бей“ или „Саввсей“—„Саун-сѣда“, „Талата“—„Таута-яга“, „Кара“—„Хорэй яга“, „Цильма“—„Елль маа“ и т. д.

Но мы плохо сознаемъ значеніе старины и незаписанной исторіи, т. к., какъ въ личной жизни, такъ и въ жизни государственной (—равнодѣйствующей личнымъ жизнямъ), мы привыкли учитывать лишь „непосредственныя“ опасности или выгоды, игнорируя „косвенныя“ и забывая, что именно въ послѣднихъ сокрыты элементы, корни и первопричины и зла и блага жизни, какъ сложнаго цѣлаго изъ элементарныхъ „частностей“. И можно съ полной увѣренностью сказать, что каждый годъ уничтожаетъ навсегда немало драгоценнѣйшихъ переходныхъ звеньевъ, многія изъ которыхъ мы *никогда* не сможемъ реставрировать или-же для реставраціи (возстановленія) которыхъ придется производить много напряженныхъ специальныхъ изслѣдованій, сравненій, сопоставленій...

Въ этой статьѣ помѣщено нѣсколько снимковъ съ фотографій научно-интересныхъ предметовъ быта и культа самоѣдовъ, населяющихъ крайній полярный сѣверо востокъ Печорскаго Края.

Рис. 1-й изображаетъ инкрустаціи, сдѣланныя самоѣдами на черенкахъ ножей (и на табакеркѣ изъ коровьяго рога), оловомъ по дереву; глубокий орнаментъ, заливаемый оловомъ, вырѣзывается узко-клиновымъ ножомъ, который называется, по-самоѣдски, „ля-харь“; выпуклости олова, затѣмъ срѣзываются и соскабливаются, а дерево протирается (чернится) сырой сажей или растительной черной мастикою. Мотивы орнамента, нося характеръ финскій, древне-русскій или тюркскій, бываютъ очень эффектныя и сложныя, но всегда стильны, выдержаны, тогда какъ на предметахъ русскихъ и зырянскихъ, особенно въ бойкихъ торговыхъ районахъ, носятъ уже отпечатки подчиненія „модѣ“ далекихъ и чуждыхъ, „онѣмеченныхъ“, „разрусьлыхъ“

краевъ Россіи (на крайнемъ Сѣверѣ всѣхъ иностранцевъ, будь то норвежцы, англичане или даже французы соединяють въ общую коллективную группу „нѣмцевъ“).

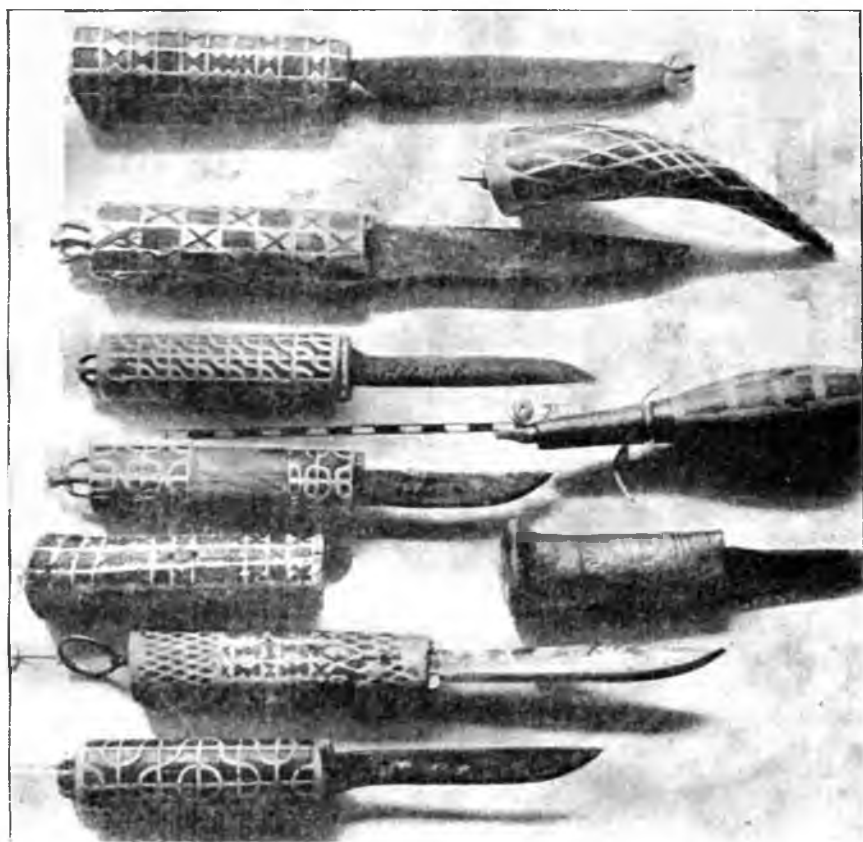

Рис. 1.

Рис. 2—представляетъ нѣкоторые типы самоѣдскихъ орнаментовъ на мѣховыхъ мѣшечкахъ „патко“ и „тучу“ (тучейко). Въ Академію Наукъ доставлена—къ прискорбію, въ значительной части ушедшая изъ Россіи за-границу—обширнѣйшая коллекція этихъ мѣховыхъ мѣшковъ и мѣшечковъ, чрезвычайно разнообразная и по размѣрамъ (отъ величины наперстка до размѣровъ внушительнаго куля), но особенно цѣнная по разнообразію, по количеству разновидностей (варіацій) орнаментовъ,—узоровъ бѣлымъ мѣхомъ по темному и темнымъ по бѣлому. Интересныя разновидности мѣховыхъ узоровъ (самоѣдскихъ и зырянскихъ) удалось добыть и для Царско-сельской юбилейной выставки 1911 года, среди экспонатовъ которой, пріобрѣтенныхъ

спеціально для выставки по порученію Царско-сельскаго Дворцоваго Управленія (комитета выставки), оказалось много типовъ орнамента, отсутствующихъ въ русскихъ этнографическихъ коллекціяхъ. Къ со-

Рис. 2.

жалѣнію, приводимая фотографія не включаетъ ряда замѣчательно эффектныхъ, сложныхъ и тонкихъ узоровъ крупныхъ „патко“, хранящихся въ Академіи Наукъ (съ древне-финскимъ орнаментомъ). „Патки“ и „тучейки“, различаясь по формѣ (ширина первыхъ больше длины, а вторыхъ — наоборотъ), различаются (бытовые оригиналы) и по типу орнаментовъ; однако, послѣднія различія въ западныхъ и южныхъ районахъ Печорскаго уѣзда уже ступшевываются или исчезаютъ вовсе; имѣя видъ редикулей или кисетовъ и сумокъ, они служатъ для помѣщенія женскаго скарба, работъ, украшеній, талисмановъ, куколъ и предметовъ культа (божковъ). На древнихъ самоѣдскихъ тучейкахъ (какъ и на женскихъ шапкахъ, затылокъ которыхъ изображаетъ птицу) орнаментъ, несомнѣнно, культового значенія, но въ настоящее

время значеніе это утрачено, забыто и самый орнаментъ выродился или даже вовсе смѣнился, хотя и болѣе эффектнымъ и сложнымъ, но уже болѣе индивидуально-эстетическимъ, чѣмъ національно или исторически-

стильнымъ. По большимъ коллекціямъ, сравнительно, легко прослѣдить „вымирание“ столь характерныхъ, въ частности, для тучейкопарныхъ боковыхъ косыхъ клиньевъ, вырождающихся въ вульгарные и безличныя „интернаціональныя“ фестоны и т. п. Обыкновенно патки и тучейко шьются изъ оленьяго мѣха (пыжика, неплюя, оленьихъ лбовъ, оленьихъ камысовъ“, т. е. ножныхъ шкурокъ); но встрѣчаются патки, сшитыя изъ шкурокъ лисицы, песца, бобра, тюленя (нерпы, сѣрки, бѣлки), куницы, соболя, горностая; очень эффектны бываютъ „патки“, орнаментированныя копыт-

цами новорожденныхъ оленшковъ, — „пыжиковъ“, а также сшитыя изъ шкурокъ фиолетово-зобой полярной гагары (*Colymbus arcticus*) и гаги или изъ шкурокъ мелкихъ звѣрьковъ — полярной пеструшки — лемминга (*Myodes*) и земляной бѣлки (бурундука) — „орды“ (*Tamias*). Отнюдь не поражаютъ красотою, но очень оригинальны патки, сшитыя изъ шкуръ налимовъ (шкуры налимовъ самоѣды умудряются еще „выдѣлывать“, такъ что онѣ становятся желтовато-бѣлыми).

Рис. 3-й изображаетъ 4 предмета: а — дощечка съ родовыми клеймами большеземельскихъ самоѣдовъ, б — костяная спиночесалка, в — часть деревяннаго календаря — „рубежа“, на которомъ косые вы-

Рис. 3.

рѣзки обозначаютъ „воскресенье“, а ямки—важнѣйшія праздники; палочка изготовляется на цѣлый годъ (тогда она четырехъ или шестигранная) или на полугодіе и истекшіе дни отмѣчаются путемъ

срѣзки ножомъ праваго края до рубежа „завтрашняго дня“, г—ножь „ня-харь“, о которомъ говорилось выше.

Рис 4.

Рис. 4-й изображаетъ женское самоѣдское головное украшеніе, вплетаемое верхними (суконными) концами въ косы и именуемое „тане“; длина косъ—отъ затылка до бедеръ, а вѣсъ благодаря стальнымъ и латуннымъ цѣпямъ, подвѣскамъ (величиной отъ пятака до блюдечка) и массивнымъ бусамъ достигаетъ 12 и даже 18 фунтовъ, при чемъ подъ нижнимъ ярусомъ цѣпей косы перетягиваются шерстянымъ поясомъ, спереди вплегаемымъ въ „контрь-грузъ“—въ огромное латунное колесовидное кольцо, вѣсящее нѣсколько фунтовъ и достигающее размѣровъ тарелки. Косы свѣшиваются поверхъ орнаментированной, мѣховой (зимой) или суконной (лѣтомъ) „паницы“ и производятъ дикое, но, тѣмъ

не менѣе, эффектное впечатлѣніе исторической, національной „моды“, стилистности. При движеніяхъ самоѣдки цѣпи, бусы и подвѣски тане и шапки звенятъ и бряцаютъ... Иногда, въ качествѣ подвѣсокъ, попадаются украшения, довольно-таки неожиданныя и сомнительнаго эстетическаго достоинства, какъ, напримѣръ, кусокъ стеклянной пробки отъ графина или дужки отъ утюга; но и это, конечно, производитъ свой шумъ—что и требуется отъ женскаго наряда.

Рис. 5-й изображаетъ типичную самоѣдскую куклу-дѣвочку (съ „тане“) въ натуральную величину, въ мѣховой шубкѣ—„пашаки“.

Рис. 6-й—куколки въ „зыбкахъ“ (люлькахъ).

Настоящая самоѣдская кукла состоитъ изъ суконной (2×1 верш.) полоски, обшитой спереди вертикальными разноцвѣтными полосками сукна (числомъ по возрасту ребенка), къ которой сверху нашивается лобная шкурка съ клювомъ гуся, турпана (морской казарки) или утки. Если кукла— „дѣвочка“, то шубка ея обшивается „пандою“ (подоломъ) изъ оленьяго или несцоваго мѣха, под дѣланнаго подъ собачій (болѣе длиннаго, чѣмъ мѣхъ шубы). Почему „подъ собачій“? это—неспроста, а по легендѣ, гласящей слѣдующее: Богъ сотворилъ, послѣ всякой прочей животности, человѣка-мужчину и въ вѣрнѣйшіе друзья ему создалъ собаку. Первая собака была голая, безъ шерсти, какъ и человѣкъ, и оберегала своего хозяина отъ дьявола, упорно пытавшагося пробраться въ чумъ самоѣда и плюнуть на него, покорить грѣху. Собака не пускала дьявола въ чумъ. Чего-чего только не предпринималъ дьяволъ,—морилъ собаку голодомъ и затѣмъ подбрасывалъ жирную кость; но собака не отходила отъ входа въ чумъ. На послѣднее средство пустился демонъ:—напустилъ лютый морозъ. Собака коченѣетъ, дрожитъ, а все не выпускаетъ дьявола въ чумъ. Дьяволъ еще усилилъ морозъ, подошелъ къ собакѣ сзади и началъ осторожно ее гладить,—собака при этомъ поросла шерстью, ей стало тепло, она обрадовалась, завиляла хвостомъ, и выпустила въ чумъ демона, который плюнулъ въ лицо спавшему самоѣдину и сдѣлалъ его склоннымъ къ злу. Впослѣдствіи самоѣдка узнала все это, задушила собаку, содрала съ нея шкуру и обшила этой шкурой свою паницу.—

Рис. 5.

Съ тѣхъ вотъ поръ—женскія самоѣдскія паницы и обшиваются собачьей шкурой...

Въ музей Академіи Наукъ было доставлено нѣсколько сотъ самоѣдскихъ куколъ; разновидностей въ этой коллекціи очень много, много и переходныхъ ступеней, доходящихъ вплоть до полного уча-

Рис. 6.

стія прежнихъ религіозныхъ признаковъ,—даже вплоть до замѣны птичьяго клюва деревянною чуркою, монетой, ситцевымъ уголкомъ; и лишь съ большимъ трудомъ возможно по этимъ предметамъ уловить прошлые принципы, ихъ давняго возникновенія и первоначальнаго назначенія. Теперь самоѣдская кукла—простая дѣтская игрушка; но прежде она служила дѣтскимъ божествомъ. Пока о прошломъ куклы извѣстно лишь немного: она—божество, посвящаемое ребенку; голова птичья у нея потому, что птица (водяная, т. е. перелетная) считалась улетающею ежегодно далеко-далеко къ Богу (Нуму) и, какъ

„невинная“, посвящалась, въ качествѣ покровительницы, ребенку; впрочемъ, „бэзгрѣшнымъ“ ребенокъ считался только до того времени, когда у него прорѣжутся коренные зубы, почему трупъ младенца, у котораго еще нѣтъ зубовъ, не хоронили въ землю (—вѣрнѣе *на* землю, такъ какъ и трупы взрослого не закапывали, а клали въ гробъ-сундукъ или на сани и оставляли на вершинѣ холма), а подвѣшивали къ зыбкѣ (люлькѣ) къ вѣткѣ дерева или къ „хорею“; младенца же, имѣющаго зубы, хоронятъ какъ взрослыхъ, только на трупъ, кромѣ продуктовъ—„подорожниковъ“ на время путешествія „на тотъ свѣтъ“, кладутъ предметы, характеризующіе дѣтскій возрастъ—куклы, маленькія „патко“, бубенчикъ или колокольчикъ; послѣдніе предметы (какъ и сани—„утицы“ или „аргишъ“), однако, предварительно обрабаютъ въ негодность, въ смыслѣ непосредственнаго ихъ назначенія, т. е. повреждаютъ—чтобы, какъ объясняютъ одни, на эти вещи не позадорились живые люди и тѣмъ не лишили бы возможности покойниковъ благополучно доѣхать до „того свѣта“, а по объясненіямъ другихъ—чтобы „на томъ свѣтѣ“ тѣ-же предметы были выданы не подержанные, а совершенно новые и лучшіе, вѣчные, нетлѣнные.

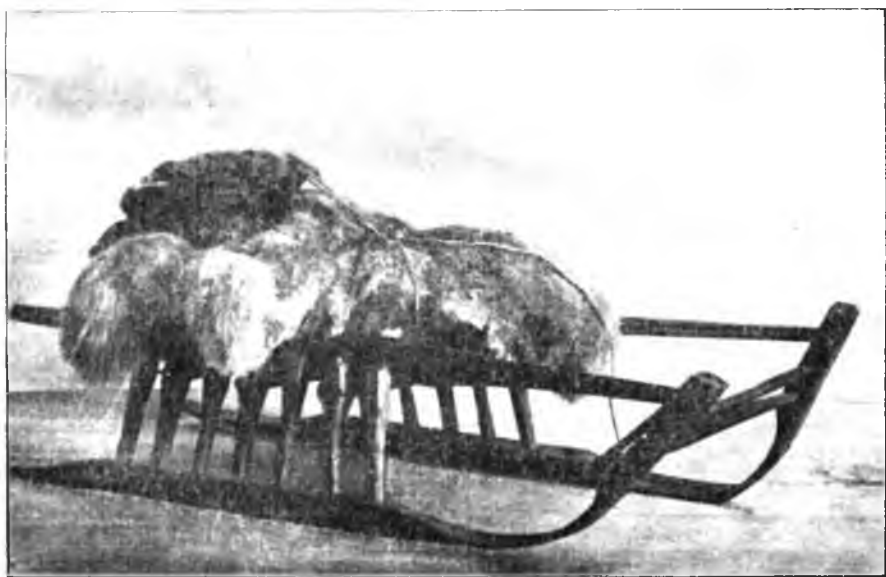
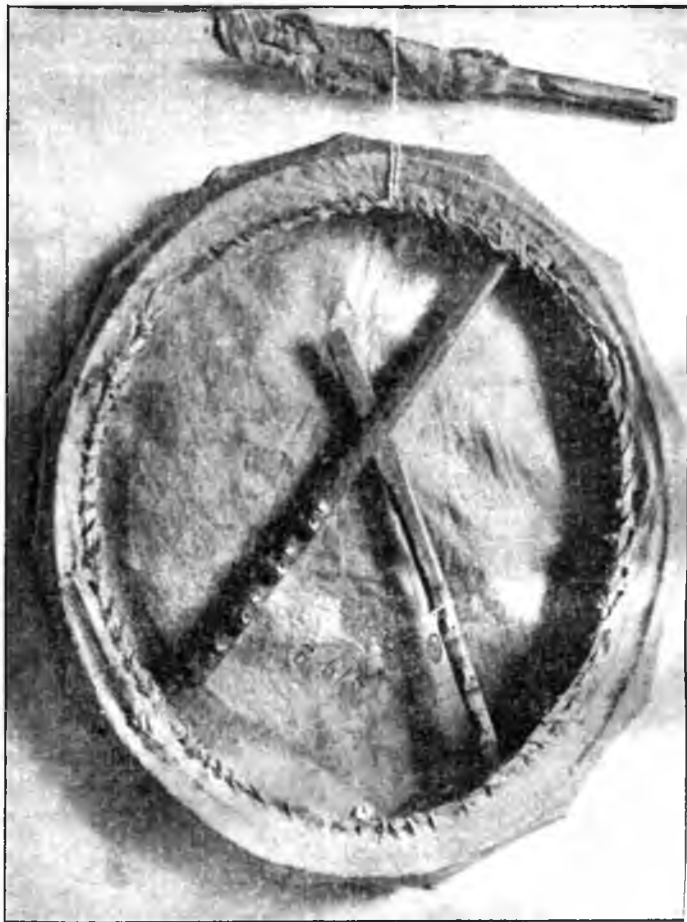

Рис. 7.

Рис. 7-й божественныя („слоэйнныя“) санки (аргишъ), о *семи* парахъ копыльцевъ, съ каменнымъ божкомъ (осколкомъ священнаго утеса) „хэгомъ“, завернутымъ въ лобную шкуру священнаго жертвеннаго оленя, „менурея“.

Рис. 8-й— древнѣйшій шаманскій (тадебейскій) бубень („пенцеръ“, „пенчерко“), добытый въ 1905 году на крайнемъ сѣверо-востокѣ Большеземельской тундры и нынѣ хранящійся въ музеѣ антропологии и этно-

графіи при Императорской Академіи Наукъ. На крестообразно сходящихся (потрясательныхъ) планкахъ этого пенцера — рельефныя изображенія семи главныхъ духовъ „тадебжіевъ“, — духовъ, на-яву видимыхъ только однимъ жрецамъ—шаманамъ (тадебяемъ, арамъ) въ моментъ ихъ изступленія или самоистязанія (нынѣ, всегда фиктивного, симулированнаго), такъ какъ для „простыхъ смертныхъ“ эти духи (въ отличіе отъ другихъ, обратной) „прозрачныя“, т. е.

Рис. 8.

безплотны... Шаманство еще держится среди кочующихъ самоѣдовъ и въ нанни дни, хотя предметы шаманскаго культа сильно выродились. Однако прогрессъ и сношенія, съ мѣновой торговлею, дѣлаютъ свое дѣло, какъ это бываетъ со всякимъ культомъ; искреннее идолослуженіе, утративъ свое существо и сохраняя еще кое-какъ форму, превращается уже въ сознательное шарлатанство и въ эксплуатацію суевѣрій дюжинныхъ дикарей, для которыхъ, въ отличіе отъ жрецовъ ихъ культа, „идоло-служеніе“ является еще синонимомъ „идеало-служенія“, т. е. служенія богамъ; если вѣрующіе въ кастовую силу шамановъ еще существуютъ, то вѣрующихъ жрецовъ-шамановъ, во всякомъ случаѣ, уже не стало на сѣверѣ Большеземельской тундры. Изображенный на фотографіи пенцеръ—не только

„рѣдкость“, но уже и, безусловно, послѣдній уцѣлѣвшій экземпляръ этого типа: нынѣ встрѣчающіеся шаманскіе самоѣдскіе бубны уже лишены рельефныхъ изображеній семи „тадебжіевъ“ и большинство шамановъ даже, допрогрессировавшихъ до замѣны бубновъ сквородками, не знаетъ о томъ, то эти 7 изображеній, фиксировавшихъ вниманіе и содѣйствовавшихъ самовнушенію прежнихъ шамановъ, —необходимый символъ духовнаго сана жреца и оракула. Вообще, вырожденіе и компромиссы идутъ такъ быстро, что Ю. Н. Кушелевскій, напримѣръ, описываетъ, видѣннаго имъ въ тензерскихъ юртахъ, „болвана (идола), одѣтаго въ засѣдательскій мундиръ и при шпагѣ“, — даже это, казалась-бы, мало-божественная амуниція оказывается подходящею для облаченія самоѣдскихъ боговъ!.. Между тѣмъ, число—играетъ существенную роль во внѣшнихъ культовыхъ признакахъ самоѣдовъ. Такъ какъ мы видѣли, 7 паръ копыльевъ у священныхъ санокъ, 7—рельефныхъ ликовъ на планкахъ древняго пенцера, 7-суконныхъ полосокъ въ каждой изъ кисточекъ женской шаманской „шапкѣ“ (прикрывающей лицо), 7-оборотовъ (колецъ) въ желѣзномъ арканѣ (тынзеѣ) идола—„оленьщика“ (собира-теля оленей); 7—пальцевъ у шаманской перчатки (черной сверху, красной по ладони; седьмой палецъ на ладони). И т. д.

Рис. 9.

Рис. 9-й и 10-й—изображаютъ женское самоѣдское божество, (сзали и спереди) облегчающее роды и характеризующееся двумя парами косъ.

Рис. 11-й—очень рѣдкій самоѣдскій идолъ (сядэй) съ волкомъ на цѣпи („старшина—духъ волковъ“); этотъ сядэй устанавливается недалеко отъ чума на вершинѣ сопки (холма) и долженъ ох-

ранять стада оленей отъ волковъ; чтобы это было обезпечено идола ублажаютъ и задабриваютъ, намазывая его „рожу“ оленьей кровью, рыбимъ (песяжымъ) жиромъ и, если заслужить, нюхательнымъ табакомъ (толченой махоркой), не забывая при этомъ и его волка. Если волки все-таки нападутъ на оленей, — сядю условно сулять специально принести въ жертву (заколоть шестью отъ чума, не проливая крови) оленя, если удастся собрать все стадо. Но если и не взирая на такой посулъ часть стада все-таки затеряется или попадетъ волкамъ, — тогда сядю приходится перенести всяческія униженія и оскорбленія, не исключая и физическихъ; въ дѣлѣ нанесенія и избрѣтенія послѣднихъ признается преимуще- ственная компетенція женщины, которымъ строго-жайше запрещается прохождение передъ „алтаремъ“ — синькуемъ (гдѣ лежать божки, пока не потребовались ихъ

Рис. 10.

услуги), и самое прикосновеніе которыхъ къ божку есть уже величайшее святотатство, пока божокъ въ фаворѣ и дѣлаетъ то, для чего его выстрогалъ шаманъ.

Рис. 12-й—изображаетъ любопытное, но и горькое, вырожденіе культа,—божка, именуемаго „Сядэй-Микола“.

„Сядэй“ на Ялмалѣ и Карѣ,—„Микола“ въ европейской тундрѣ, у Печоры!—На почвѣ величайшихъ универсальныхъ идеаловъ христіанства, принятыхъ не за непремѣнную норму жизни, а за дезидерату произвольной святости,—людей сжигали на кострахъ, терзали инквизиторскими пытками, гноили въ подземельяхъ; такъ поступали фанатики, несравнимо болѣе культурные, болѣе цивилизованные, чѣмъ наши полярные инородцы, которые въ эпоху среднихъ вѣковъ

европейской исторіи, вѣроятно, еще имѣли индустрію каменнаго вѣка (неолита) и костяную, были дикарями въ полнѣйшемъ смыслѣ этого слова. Что-же удивительнаго, если современный сѣверо-восточный самодѣинъ по своему понялъ христіанство и переименовалъ того-же морского идола — сядя въ „Миколу“, по прежнему принципу помогающаго самодѣину при морскихъ промыслахъ. Доходить до того, что, въ случаѣ удачныхъ промысловъ или спасенія отъ бурь въ Океанѣ, передъ этимъ „сидѣмъ Миколой“ сжигается восковая свѣчка и курится раскаленная на сковородкѣ листовенничная смола („сѣра“), но въ то-же время „рожа“ Миколы убажается кровью, ворвань, пеляжь имъ жиромъ и... нюхательной махоркой.

Рис. 11.

Такъ окрасилъ современный „духъ времени“,—живущій культомъ вѣчаго „завтрашняго дня“ и не только „вѣрою безъ дѣлъ“, но дѣлами противъ вѣры,—корни того „дѣтства человѣчества“, которые народы Западной Европы пережили много тысячъ лѣтъ назадъ. Значительную долю того, что эти народы переживали тысячи лѣтъ назадъ, племена Приполярной Россіи переживали еще очень недавно, а частью—хотя и съ значительными видоизмѣненіями, но еще не уничтожившими первобытные корни,—переживаютъ и въ наши дни.

А эти корни—корни исторіи, корни прошлаго и нашего Государства и всего человѣчества, въ его цѣломъ. Въ „вещахъ“, къ которымъ лежали сердца человѣка, было, заключено его „я“, съ развитіемъ котораго развивались и „вещи“, отражавшія въ совокупности своей, его идеалы и его міропониманіе. Функция создать органы, а

не органы функцію; соотвѣтственно, органы переживаютъ функцію; —такъ и вещи, матеріальные предметы и символы переживаютъ первонаачальныя стремленія, понятія и вѣрованія, которыя создали эти предметы такимъ, а не иными.

Рис. 12.

Тягчайшая ошибка нашей эпохи в направлѣніяхъ культа нашихъ социальныхъ идеаловъ, — в томъ, что люди возстаютъ противъ сложнаго „цѣлаго“, совершенно забывъ или игнорируя то, что это цѣлое, какъ всякое цѣлое и чисто логически, состоитъ изъ обуславливающихъ его обликъ и качественный характеръ элементарныхъ частей, что оно не есть что матеріальное, что оно есть явленіе, естественный, физическій, результатъ характера дѣятельности образующихъ „цѣлое“ частей, естественная равнодѣйствующая

составляющихъ индивидуальныхъ силъ и свойствъ,—игнорируемъ, что измѣненіе результата, какъ слѣдствія, немислимо безъ соотвѣтствующаго предварительнаго измѣненія каждой части, т. е., что для устраненія сложныхъ печальныхъ явленій въ общественной, государственной жизни „единое на потребу“—устраненіе ихъ корней въ индивидуальныхъ „составляющихъ“ ячейкахъ общественности, въ индивидуальныхъ прецедентахъ, въ тѣхъ частяхъ колоссальнаго сложнаго механизма государственной жизни, которая мелки, просты, непримѣтны, но отъ работы и дѣятельности которыхъ зависитъ характеръ работы всего государственнаго колосса во всѣхъ его отправленияхъ.

И именно исторія „дѣтства человѣчества“, именно этнографія поможетъ намъ познать логическіе законы естественнаго прогресса и сознательно, а не слѣпо, идти „впередъ“ самимъ и двигать „впередъ“ свой народъ, ибо этнографія и исторія — пути къ познанію того „прошлаго“, безъ котораго нельзя примѣнить къ познанію грядущаго познаніе настоящаго. „Человѣчество“ состоитъ изъ „націй“, и прежде всего логически необходимо, чтобы нація представляла собою опредѣленное взаимное цѣлое, чтобы она представлялась намъ не въ третьемъ лицѣ множественнаго числа—„они“, а въ первомъ—„мы“.

Россія же меньше, чѣмъ какая либо другая нація, можетъ познать себя безъ помощи познанія корней своего прошлаго; а не познавъ себя, невозможно познать другихъ и учесть свои положенія среди другихъ, какъ не исправивъ себя, невозможно исправить другихъ..

Погибли зародыши многихъ вѣрованій и идеаловъ,—будемъ-же искать ихъ отпечатки на предметахъ, пока не погибли на вѣки и они...—Это отнюдь не только „интересно“ или „любопытно“, но жизненно-важно, необходимо.

Надо искать эти корни прошлаго.

Но это отнюдь не значитъ, конечно, что надо или можно выжидать результатовъ этихъ исканій и, тѣмъ временемъ, жить по трафаретамъ прежнихъ массовыхъ палліативовъ, ибо ни наша жизнь не ждетъ, ни жизнь нашихъ политическихъ конкурентовъ.

Возвращаясь къ вопросамъ о грядущемъ цѣлой четверти поверхности всей Европейской Россіи и обращаясь къ литературѣ „сѣвернаго вопроса“, приходится, конечно, исключить авторовъ, пропагандирующихъ завѣдомую ложь о Сѣверѣ на личной почвѣ—на почвѣ-ли самозащитнаго стремленія парализовать требовательность центральнаго Правительства или на почвѣ личныхъ чувствъ озлобленія, зависти, неприязни—недобрыхъ чувствъ, при наличности которыхъ немислимо то объективное равновѣсіе, безъ котораго нѣтъ пути къ правдѣ, освѣщаемой лишь добрыми чувствами любви къ ней и къ своему народу, любви къ людямъ, любовью къ человѣку. Объ этой части литературы о Сѣверѣ нашихъ дней, смѣло идущей на подлогъ цитатъ, фактовъ и мотивовъ, выдающей себя основнымъ признакомъ—сарказма и опороченія піонеровъ, не приходится говорить, какъ и объ авторахъ, вѣрящихъ этой клеветѣ, не учитывающихъ основного ея признака—раздраженія, и, при полной некомпетентности въ обосновывающихъ естественно-историческихъ и экономическихъ вопросахъ, объявляющихъ и, возможно, искренно считающихъ за „химеру“, напримѣръ, „травосѣяніе“—основу раціональныхъ и луговодства и „хлѣбо сѣянія“. Литературы-же, съ которою приходится считаться и которая дышитъ стре

мленіемъ освѣтить вопросъ не предвзятымъ отношеніемъ и не очернѣніемъ піонеровъ, почти нѣтъ еще по вопросамъ Сѣвера, при чемъ та, которая уже есть, пронизана красною нитью безвѣрія, сомнѣнія—за-логовъ творческой импотенціи, затрудняющихъ детальный анализъ фактовъ и явленій.

Въ частности я долго не понималъ этой робости, этого невѣрія въ силы и въ способности русскаго народа и его дѣятелей, призванныхъ служить Родинѣ; я полагалъ, что возможное, уже осуществленное нѣмцами, финляндцами, американцами или норвежцами—разъ оно признано залогомъ благополучія и Россіи, не можетъ имѣть препятствій къ проведенію и въ нашу жизнь.

По—въ этомъ я, дѣйствительно, „увлекался“. Я попрежнему глубоко вѣрю въ возможности, заложенные историческою судьбою въ духъ нашего народа. Но вижу, что народъ нашъ, дѣйствительно, лишень тѣхъ „людей“, которыми двигаютъ любовь къ нему, вѣра въ „сегодняшній“, а не „завтрашній день“, вѣра въ то, что можно и должно работать на благо родного Государства въ наличныхъ условіяхъ, что дѣло не въ формахъ и въ пересадкѣ по психологическому трафарету крыловскаго „квартета“,—„людей“, у которыхъ „желаніе“ служить родинѣ не можетъ устоять на точкѣ „словъ“, какъ „символовъ воли“, и не перейти въ соотвѣтствующую этимъ словамъ дѣятельность, „людей“— „хочу“ которыхъ, основанное на вѣрѣ, есть уже и „могу“... Этихъ „людей“, на дѣлѣ преданныхъ Россіи, почти нѣтъ. Вѣрнѣе даже, не ихъ нѣтъ, а нѣтъ въ людяхъ, полныхъ этихъ возможностей, безстрашія передъ „трудомъ“ и твердой вѣры въ великую силу упорнаго труда и въ то, что всегда и непременно ихъ „вѣра спасетъ ихъ“.

Возвращаясь къ существу вопроса объ экономическомъ развитіи и использованіи сѣверныхъ земель Европейской Россіи, независимо отъ ихъ физико-географическихъ условій, много лучшихъ чѣмъ условія въ тѣхъ же широтахъ Америки, напимѣръ—приходится установить, въ сферѣ искреннихъ скептиковъ, печальный психологическій *lapsus*: напимѣръ, когда рѣчь идетъ объ использованіи возможностей другихъ областей, неиспользованіе которыхъ слишкомъ не „косвенно“ гнело насъ,—мы учитываемъ факторы историческаго прошлаго условія, не содѣйствовавшія (если не противодѣйствовавшія) экономическому развитію соотвѣтствующихъ отраслей и т. д., въ отношеніи-же къ Сѣверу, предоставленному медленному теченію времени, „самому себѣ“, гдѣ, поэтому, элементы первобытной культуры отмирали съ особою медленностью,—мы эти условія не учитываемъ и слѣдствія ихъ средства сравниваемъ со слѣдствіями условій, совершенно иныхъ.

Я не говорю уже о томъ, что даже существующія данныя статистики, исторіи біологической географіи, метеорологіи, хотя-бы и не

приспособленные къ Сѣверу его самобытной географической частности, нами совершенно игнорируются и, напримѣръ, въ то время, какъ температурныя наблюденія, произведенныя по кустарному термометру, „тамъ“ признаются ничего не говорящими, а „здѣсь“—принимаются даже при экспедиціонныхъ маршрутныхъ передвиженіяхъ въ учетъ и т. д.

Но и въ вопросахъ, напримѣръ, аграномическихъ, агрономическія основоположенія какъ-то исчезаютъ, какъ только вопросъ коснется не заселенныхъ окраинъ первобытнаго ландшафта и, въ особенности, Сѣвера. Случись недородъ на Сѣверѣ,—не медля причину его находятъ въ „климатѣ“ и не задаются вопросомъ о томъ, „а не было-ли другихъ причинъ?“, тогда какъ „тамъ“ въ средней Россіи учитываютъ: преимущества вспашки плугомъ передъ вспашкою сохой, бороньбы желѣзной бороной передъ бороньбой корешковкой (давно, впрочемъ и вымершей „тамъ“), травяныхъ клиньевъ и сѣвооборота передъ яровымъ однопольемъ, учитываютъ засоренность посѣвного матеріала и значеніе молотьбы молотилкою или цѣпами (на нашемъ Сѣверѣ они „еще не“ существуютъ,—здѣсь молотятъ „кичигами“), отвѣиванія вѣялкою или (какъ это на Печорѣ) лопатами, одностороннее удобреніе, ранніе покосы, отсутствіе подстилки въ навозѣ („тамъ“ учитывается даже величина рѣзки въ сантиметрахъ), содержаніе скота безъ прикормки сверхъ сѣна, въ темныхъ помѣщеніяхъ, выгонъ скота на водопой къ прорубямъ зимою, „сорта“ сѣмянъ, отсутствіе пара, и т. д. и т. д. „Здѣсь же“ всѣ эти отрицательные факторы на лицо не порознь, а въ совокупности, но они не принимаются къ критическому свѣдѣнію, не учитываются, какъ не учитываются и факторы историческія и экономическія, бездорожье, и т. д., которые здѣсь, какъ и гдѣ-либо, не могли не оказать вліянія на опредѣленную хроническую картину слѣдствія хроническихъ причинъ. И, вмѣсто помощи населенію, вмѣсто подъема его вѣры и содѣйствія къ переходу отъ полукулачьеваго быта, мы судимъ по наличной картинѣ о результатахъ тѣхъ условій, которыя мы призваны измѣнить, создать.

И это безвѣріе, этотъ духъ его плода интеллектуальной импотенціи, бездѣятельности поразилъ и нашу науку, расписывающуюся такъ часто въ безсиліи своей инициативы и „идущую за горбомъ мужика“, вмѣсто того, чтобы идти впереди и создавать „духъ времени“ грядущаго, а не слѣдовать туда, гдѣ уже „грянулъ громъ“, который и можно и должно было-бы предвидѣть.

Въ виду того огромнаго значенія, какое пріобрѣтаетъ для современной Россіи вопросъ объ использованіи огромныхъ пустынныхъ пространствъ и объ обезпеченіи связи ихъ расчитанными транзитными и взаимно обмѣнными узами, мнѣ представляется, что намъ крайне необходима программа, которой у насъ нѣтъ,—программа, которая могла-бы служить энциклопедическимъ руководствомъ въ основномъ

вопросъ о выясненіи культурной „пригодности“ незаселенныхъ или непаханныхъ земель какъ средство для оцѣнки и контроля правильности выводовъ по обоснованіямъ. Дѣло идетъ о грядущемъ Россіи; и это сложное грядущее мы не можемъ подчинять, какъ было до сихъ поръ въ отношеніи къ нашему Сѣверу, субъективнымъ „мнѣніямъ“, „заключеніямъ“, „отзывамъ“, вѣрованіямъ.

Сѣверныя земли—„земли будущаго“, говорятъ. И да и нѣтъ. Ибо вѣрнѣе, точнѣе назвать ихъ „землями будущихъ людей Россіи“... Увы! для привлеченія этихъ людей на нашемъ Сѣверѣ, гдѣ нужна такъ „дѣятельность“ и гдѣ служащіе поставлены въ парализующія возможную дѣятельность условія (матеріально, квартирно и въ другихъ „мелкихъ отношеніяхъ“, „косвенно“, но сильно вліяющихъ на продуктивность работы),—мы не сдѣлали ничего...

И опять, кончая статью, вернусь къ психологическому положенію, и скажу не своими словами, а словами мыслителя XVII го вѣка Паскаля, вполне приложимыми къ очередному положенію и „сѣвернаго вопроса“. Паскаль говорилъ: „лестно имѣть врагами неразумительныхъ людей; ихъ оппозиція столь мало грозитъ опасностью, что даже, напротивъ, служить для упроченія основныхъ истинъ. Если бы подобные люди подумали серьезнѣе, то они увидѣли-бы, что они скорѣе направили бы на путь истины, чѣмъ совратили бы людей, имѣвшихъ какую нибудь склонность слѣдовать за ними. И дѣйствительно, *стоитъ потребовать у нихъ отчета въ ихъ чувствахъ и основаній*, въ силу которыхъ они сомнѣваются (въ истинѣ), и они наговорятъ вамъ столь слабыхъ и столь низкихъ вещей, что убѣдятъ васъ скорѣе въ противномъ. Очень кстати вышло-бы, если бы кто сказалъ имъ: „Если вы будете продолжать эти разказни, то вы, право, убѣдите меня въ истинѣ вѣры (вами опровергаемой и осмѣиваемой)“. И онъ былъ-бы правъ; дѣйствительно, кто не пришелъ бы въ ужасъ, увидѣвши себя солидарнымъ въ чувствахъ съ такими „презрѣнными людьми?“...

Но—чтобы выяснить, что загрязненная и заброшенная посуда сдѣлана изъ блестящаго металла, необходимо, чтобы она была подвергнута тренію песка, грязи, кислой гущи,—они даютъ металлу блескъ, свойственный его истинной природѣ. Такъ и всякая истина, независимо отъ ея утилитарной емкости...

Россіи всего необходимѣе предусмотрительно, разумно, съ возможнымъ минимумомъ компромиссовъ въ сторону палліативовъ, поставить три параллельныхъ средства къ ея познанію: во-первыхъ—изученіе условій „первобытнаго ландшафта“, къ которому относятся неопредѣленныя фации „тундръ“, „пустошей“, „запольныхъ земель“, „пустырѣй“, марей, „болотъ“, „неудобныхъ земель“, „тайболы“, „тайги“ и т. д. и т. д., во-вторыхъ—экономическая, вообще и сельско-хозяйственная *статистика*, въ особенности (по-скольку мыслимо, съ прикладными ботаническими учетами), и въ третьихъ—спеціально сель-

ско-хозяйственная метеорологія, сравнительная метеорологія не „годовой изотермы“, а вегетаціонных періодовъ, періодовъ развитія соответствующихъ культурныхъ растений въ частности. Всѣ, и историческія и географическія условія говорятъ за то, что въ сферѣ этихъ трехъ, прежде всего, путей къ государственному или территориальному самопознанію Россія не можетъ идти по слѣдамъ западно-европейской науки, но должна создать свои методы, широко проявить свою инициативу. Таково мое credo; и графическая эпиграмма, взятая мною къ настоящей статьѣ, дѣлаетъ это credo непоколебимымъ: вѣдь вся территорія „первобытныхъ“ земель Россійской Имперіи—чрезвычайно колоссальна не только относительно, но и абсолютно, что уже по чисто географической логикѣ (если можно такъ выразиться), налагаетъ на Россію опредѣленную историческую миссію, измѣряющуюся радіусомъ общечеловѣческаго, мірового значенія. И среди этихъ трехъ средствъ самопознанія нѣтъ и не можетъ быть „болѣе важнаго“,—они всѣ равноцѣнны, они всѣ важны въ превосходной степени, т. е. важнѣйшія, они необходимы одинаково и одновременно, если только на вопросъ „необходимо-ли Россіи для блага ея познать себя“ мы не можемъ отвѣтить отрицательно. А разъ нельзя сказать „нѣтъ“, отвѣчая на этотъ вопросъ, то—можно-ли откладывать рѣшенія на „завтра“, по какимъ-бы то ни было соображеніямъ?

„Можно“ было-бы; если-бы можно было признать, что въ этомъ самопознаніи, въ этомъ познаніи условій и возможностей Россіи нѣтъ „единого на потребу“, единственного исхода къ прочному благу страны и ея народа.

И вотъ, за твердымъ пониманіемъ именно этого-то „нельзя“,—какъ мнѣ твердо вѣрится, вся остановка, какъ результатъ попытокъ отысканія иныхъ путей и формъ, какъ результатъ попытокъ обмануть единые принципы природы и дойти до цѣли „проще“, „дешевле“, „легче“, „скорѣе“. чѣмъ это возможно. Эти парадоксальныя „попытки“, къ сожалѣнію, свойственны психикѣ почти каждаго человѣка и каждой чѣмъ-либо обособленной группѣ людей, и потому-то онѣ свойственны и ихъ широкой ассоціаціи, образующей государство. Въ Россіи-же, въ странѣ безконечныхъ возможностей, сама природа вѣнчаетъ этотъ lapsus особенно ощутительно нетерпимыми послѣдствіями.

Андрей Журавскій.

Усть-Цильма.
Іюль 1911 г.

„Извѣстія Архангельскаго Общества изученія Русскаго Сѣвера“.

1909 годъ. 15 выпусковъ составляютъ объемистый томъ въ б. 8°, 1212 страницъ, съ рисунками и картами.

Въ числѣ многихъ другихъ въ этомъ томѣ были помѣщены слѣдующія статьи: *А. Колычевъ*. „Земство на окраинахъ“.—*Вс. Постниковъ*. „Знахарство, виды его и борьба съ нимъ въ Архангельской губерніи“.—*А. Нордъ-Вестъ*. „О колонизации Архангельской губерніи“.—*Сурожъ*. „Одна изъ нуждъ лѣсовъ нашего Сѣвера“,—*Д. В. Бедоровъ*. „Сельское хозяйство на Крайнемъ Сѣверѣ“.—*Н. Голубцовъ*. „Объ управленіи самоѣдами“.—*Андрей Журавскій*. „Изъ быта и культа Архангельскихъ самоѣдовъ“.—*Л. Мелетевъ*. „Объ эпизоотіяхъ антракса у оленей и составѣ ихъ стадъ въ Печорскомъ уѣздѣ“.—*С. Аверинцевъ*. „Нѣсколько словъ о постановкѣ научно-промысловыхъ изслѣдованій у береговъ Мурмана“.—*В. Держевскій*. „Обзоръ научно-промысловыхъ изслѣдованій“.—*С. Аверинцевъ*. „Зависимость метеорологическихъ факторовъ урожая въ и рыбныхъ промысловъ отъ температурныхъ колебаній въ видѣ Гольфштрёма“.—*Г. Гебель*. „Экскурсія въ Поной для ознакомленія съ осеннимъ ловомъ семги и для отысканія залежей мѣдной руды“.—*А. С. Адриановъ*. „Жизнь на Мурманѣ“.—*В. Мелетевъ*. „Изъ путешествія въ Сорочку Карелію“.—*Н. Куликъ*. „Источники Пымъ-ва шаръ“.—*Н. Цинегинъ*. „Айновы острова“.—*П. Ануфриевъ*. „Бѣломорскіе льды“.—*Кан-скій*. „Значеніе Онежскаго порта въ отпускной лѣсной торговлѣ“.—*Л. Горшенинъ*. „Прошлое и настоящее водныхъ путей съ Камы на Сѣверъ“.—*М. В. Черешневъ*. „Объ Архангельская желѣзная дорога“.—*А. Колычевъ*. „Новые пути къ Ухтѣ и ихъ значеніе“.—*С. А. Бутурлинъ*. „Проектъ новыхъ правилъ объ охотѣ и ихъ значеніе для нашего Сѣвера и Сѣверо-Востока“.—*Н. Заграфъ*, проф. „Нужды нашего сѣвернаго рыболовства“.—*Ю. Крамеръ*. „Къ вопросу объ эксплуатаціи ископаемыхъ Архангельской губ.“.—*А. А. Каретниковъ*. „Судьба стараго церковнаго зодчества въ Архангельской губ.“ и мн. друг.

1910 годъ. Первое полугодіе (съ № 1-го по 12-й) составляетъ объемистый томъ въ б. 8° листа въ 699 страницъ; а второе (съ № 13-го по 24-й) томъ въ 1179 страницъ; оба съ рисунками и картами.

Въ числѣ многихъ другихъ статей здѣсь помѣщены: *П. Стакле*, инженеръ. „Нѣкоторыя данныя о водныхъ путяхъ съ р. Ухты на р. Каму и Сѣв. Двину“.—*А. С. Неклюдовъ*. „Кулойскія солончаковыя озера и источники въ связи съ использованием ихъ въ лечебныхъ цѣляхъ“.—*А. С. Адриановъ*. „Жизнь на Мурманѣ“.—*Русановъ*, В. „Новоземельскій каменный уголь и вѣковыя движенія суши и моря“.—*А. Воейковъ*, проф. „Молочное хозяйство и льноводство на Сѣверѣ Россіи“.—*Андрей Журавскій*. „Будущее приполярнаго земледѣлія“.—*Мартинъ*, А. *Ульсенъ*. „Къ докладу проф. Сурожъ о нуждахъ лѣсовъ нашего Сѣвера“.—*Чекановскій* А. Е. „Скотоводство Печорскаго уѣзда“.—*П. Ануфриевъ*. „Объ удлинении навигаціи на Бѣломъ морѣ“.—*Г. Селецкій*. „Взглядъ на морской путь въ Сибирь“.—*М. Шпиръ*. „Зимніе звѣринные промыслы“.—*С. Постниковъ*. „Къ оживленію Мурманскихъ промысловъ“.—*А. Г. Ивановъ*. „Годъ жизни пустозера“.—*А. А. Каменевъ*. „Изъ воспоминаній о посѣщеніи карельской деревни“.—*Н. Голубцовъ*.

„Изъ былого прошлаго“.—*Г. Гебель*. „Біармія и низовья Сѣв. Двины“.—*А. Кааранъ*. „Къ исторіи Русскаго Сѣвера“—*А. Горшенинъ*. „Рыбные промыслы въ Сибири“.—*А. А. Быковъ*. „За полярнымъ кругомъ“.—*Б. Пересъ*. „Открытие русской колоніи на Новой Землѣ“.—*К. Сусловъ*. „Съ Печоры“.—*Б. Држевецкій*. „Тралловый ловъ въ Сѣверномъ Ледовитомъ океанѣ“.—*П. А. Сорокинъ*. „Пережитки анемизма у зырянъ“.—*Н. А. Санинъ*. „Новѣйшія археологическія находки въ Чердынскомъ краѣ“.—*Евг. Остр.* „Мужчина и женщина въ Кемскомъ Поморьѣ“.—*М. С. Богдановъ*. „Домашняя жизнь, права и нѣкоторые обычаи поморовъ“—и мн. друг.

1911 годъ. Первое полугодіе (№№ 1—12) составляетъ объемистый томъ въ 1068 страницъ, 6. 8^о листа съ рисунками и картами и въ числѣ многихъ другихъ статей содержитъ въ себѣ слѣдующія: *М. П.* „Нашъ Сѣверъ въ описаніи иностранца XVI вѣка“.—*С. Зобковъ*. „По Сѣверу“.—*И. Анцурьевъ*. „Новоземельская зима“.—*К. Жаковъ*. „Изъ жизни охотниковъ на Вишерѣ“.—*Н. Белдыцкий*. „Въ низовьяхъ Печоры“—*П. А. Сорокинъ*. „Печорская экспедиція и колонизація зырянскаго края“.—*Ф. Крыштофовичъ*. „Примѣръ Аляски“.—*А. Рядчинъ*. „По глухимъ уголкамъ Русскаго Сѣвера“—*А. Анисимовъ*. „Въ зырянскомъ краѣ“.—*Л. Горшенинъ*. „Соляной край“.—*О. М. Латкинъ*. „Наши горныя богатства“.—*Сурожъ*, проф. „Къ вопросу о казенныхъ лѣсахъ Сѣвера“—*И. Тулубьевъ*. „Холмогорское скотоводство въ его историческомъ районѣ“.—*А. А. Чарушинъ*. „Вопросы колонизаціи Сѣвера“.—*А. Борисовъ*. „О великомъ водномъ пути изъ Сибири въ Европу“.—*Г. Селецкий*. „О морскомъ пути въ З. Сибирь“.—*Н. Копытовъ*. „Объ обложеніи мурманской рыбы сборомъ“.—*С. Керцелли*. „О типѣ ружья наиболѣе пригодномъ для сѣвернаго промышленника“—*К. Спаде*. „Тралловый промыселъ въ сѣверныхъ водахъ“.—*П. Сорокинъ*. „Къ вопросу объ эволюціи семьи и брака у зырянъ“.—*И. Цейтлинъ*. „Поморскія народныя сказки“.—*Л. Унинъ*. „На вечеринкѣ“.—*В. Ю. Визе*. „Лопарская музыка“.—*Гр. Верещагинъ*. „Вотскіе боги“.—*Н. Руатси*. „Нѣсколько словъ о финляндской мифологіи“.—*М. Богословскій*. „Изъ исторіи поземельной общины на Русскомъ Сѣверѣ“.—*А. Изюмовъ*. „Нѣкоторые данныя къ вопросу о первомъ пребываніи Петра Великаго въ Архангельскѣ въ 1693 году“.—*Н. Гилмеръ*. „Крестыанскій бюджетъ на Сѣверѣ“.—*Н. А. Хабаровъ*. „Промыселъ песцовъ и лисицъ въ тундрахъ Архангельской губ.“—*П. Романовъ*. „Въ лѣсахъ, горахъ и поселкахъ Архангельской Карелии“.—*В. Бикъ*. „Бой рыбы по р. Ангарѣ“.—*А. Журавскій*. „Къ вопросу объ использованіи земельныхъ возможностей нашего Сѣвера“, и много другихъ.

(Въ виду израсходованія первыхъ №№ подписка принимается въ текущемъ 1911 году лишь съ 1 іюля по цѣнѣ 2 руб. съ пересылкой до конца года).

Журналъ Извѣстія будетъ издаваться и въ будущемъ 1912 году по прежней программѣ и по цѣнѣ 4 руб. въ годъ съ пересылкой.

„ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ НА СЪВЕРЪ“.

Сборникъ статей и указовъ, относящихся къ дѣятельности
Петра I на Сѣверѣ

подъ редакціей А. Ф. ШИДЛОВСКАГО

СО Д Е Р Ж А Н І Е:

Значеніе Архангельска при Петрѣ Великомъ. С. Огородникова. — Петръ Великій въ Архангельскѣ и плоды пребыванія его на нашемъ Сѣверѣ. С. Огородникова — Новодвинская крѣпость. Н. Голубцова. — Крестъ Петра Великаго, хранящійся въ Архангельскомъ Каѳедральномъ соборѣ. Н. Голубцова. — Домикъ Петра Великаго въ г. Архангельскѣ. Н. Голубцова. — Карета «Берлинъ». — Вавчуга, Баженины и память о Петрѣ Великомъ, связанная съ нимъ. А. Грандильевскаго. — Осударева дорога — Указы Петра Великаго. — Библиографическій указатель литературы, касающейся дѣятельности Петра Великаго на Сѣверѣ и описъ дѣлъ Архангельскаго Губернскаго Правленія за время его царствованія, сохранившихся въ архивѣ. Къ сборнику приложены: Портретъ Петра I. — Снимокъ съ рѣдной гравюры, изображающей видъ г. Архангельска въ 1701 г. — Снимокъ съ собственноручнаго указа.

Цѣна сборника 1 руб. 50 коп.

Дополненіе къ указателю литературы о должности Петра Великаго на Сѣверѣ и описъ старыхъ дѣлъ съ 1710—1725 г.г. съ приложеніемъ алфавитовъ именъ: авторовъ, лицъ и географическихъ. Архангельскъ. 1910.

Цѣна дополненія къ указателю 50 коп.

Выписывать можно наложеннымъ платежомъ изъ губернской типографіи
г. Архангельскъ.

ПРОДАЖА РАЗНЫХЪ

ЗВѢРИНЫХЪ КОВРОВЪ,

какъ: бѣлыхъ и бурыхъ
медвѣдей, волковъ, сѣ-
верныхъ оленей и проч.
равно чучела звѣрей и
птицъ.

Людвигъ фонъ Вышомирскій

Архангельскъ.

ФОТОГРАФІЯ

І. Ю. Собергъ

въ г. Архангельскѣ

предлагаетъ любите-
лямъ и коллекционе-
рамъ фотографиче-
скіе снимки видовъ
Сѣвера Россіи; (раз-
личныхъ размѣровъ).
Имѣется также боль-
шой выборъ откры-
токъ съ видами Сѣ-
вера.

СѢВЕРНЫЙ СКЛАДЪ ОРУЖІЯ **Д. ПЕТРОВА** въ Архангельскѣ

Гостинный рядъ противъ
Никольскаго подворья, тел. № 177.

Обширный выборъ охотничьихъ ружей, винтовокъ, трехстволокъ, бок-боекфлинтвъ, боекфлинтвъ, автоматическихъ пистолетовъ, револьверовъ. Порохъ, дробь, пистоны и все для охоты. Рыболовные принадлежности. Фейерверкъ. Лыжи. Коньки. Велосипеды и ихъ части и др. предметы спорта.

Обращаю особое вниманіе г.г. промышленниковъ обширнаго Сѣвера на винтовки сис. Ремингтона подъ парт. Бердана съ хорошимъ граненымъ стволомъ заграничной работы. Эта винтовка по конструкціи самое надежное, практическое, прочное, а по устройству обращенія самое простое—что и позволяетъ смѣло сказать, что винтовка съ затворомъ Ремингтона незамѣнимое для нашихъ Сѣверныхъ промышленниковъ самоѣдовъ.

Постоянное полученіе загранич. новостей. Исполненіе заказовъ быстрое по цѣнамъ вѣтъ всякой конкур. Только что вышедшій въ свѣтъ новый иллюстрированный прейсъ-курантъ высыла-ется по первому требованію бесплатно.

Въ Правленіи Архангельскаго Общества изученія Русскаго Сѣвера, а равно и въ книжныхъ магазинахъ: въ Архангельскѣ: Булычевой; Пашковской; Коганъ. Въ С.-Петербургѣ: Новаго Времени (Суворина); Т-ва М. О. Вольфъ; Географ. маг. Главнаго Штаба. Въ Москвѣ: „Трудъ“ (Скирмундъ); С. Спиридонова и А. Михайлова. Въ Лейпцигѣ (Leipzig), Karl W. Hiersemann, Königsgrasse 29,—продаются слѣдующія изданія Об-ва:

Новая Земля. Указатель отдѣльных трудовъ, статей и замѣтокъ русскихъ ученыхъ, путешественниковъ и писателей. Составилъ А. О. Шидловскій. С. 1910. 67 стр. 8°. Цѣна 75 коп.

Указатель литературы о дѣятельности Петра Великаго на Сѣверѣ и описъ старыхъ дѣлъ Архангельскихъ губернскихъ присутственныхъ мѣстъ съ 1710—1725 г., съ подробными алфавитными указателями именъ авторовъ, лицъ и географическихъ названій. А. О. Шидловскій. А. 1910. 132+22 стр. 8°. Цѣна 80 коп.

Библиографическій указатель литературы, касающійся *Большеземельской тундры и оленеводства*. Составилъ А. О. Шидловскій. Архангельскъ. 1911. 13 стр. Цѣна 25 коп.

Ненокскій соляной промыселъ. Ю. Крамеръ. А. 1909. 15 стр. Ц. 10 к.

Уставъ Архангельскаго Общества изуч. Русскаго Сѣвера. А. 1910. Ц. 5 к.

Кромѣ того *при библиотекѣ Общества изуч. Русскаго Сѣвера* продаются:

„Изв. А. О. И. Р. С.“ 1910 г., II полугодіе, цѣна 2 руб.

„Изв. А. О. И. Р. С.“ 1911 г. кромѣ №№ 1, 2, 8—9, цѣна 25 к., за экземп. а также отпечатанные въ ограниченномъ количествѣ отд. оттиски статей, помѣщенныхъ въ №№ „Извѣстій“ Общества за 1909 и 1911 г.г.:

Н. Копытовъ. Мурманско-канинскіе рыбные промыслы, 20 стр.+карт. Цѣна 30 к.

А. Н. Сурожъ. проф. Нужды лѣсовъ нашего Сѣвера. Докладъ въ засѣданіи „А. О. И. Р. С.“, 53 стр. Цѣна 40 коп.

А. Малаховъ. Торговля продуктами сѣвернаго кустарнаго смолокурения въ прошломъ и настоящемъ. Докладъ въ засѣданіи „А. О. И. Р. С.“ 13 стр. Цѣна 20 к.

А. Кааранъ. Къ исторіи Русскаго Сѣвера. (Русско-норвежскія отношенія), 22 стр. Цѣна 70 к.

К. Спаде. Траловый промыселъ въ Сѣверныхъ водахъ и рыболовная комиссія Государственной Думы. Докладъ въ засѣданіи „А. О. И. Р. С.“ 7 стр. Цѣна 10 коп.

Евг. Остроумовъ. Въ ожиданіи земства въ Архангельской губ., 12 стр. Цѣна 20 к. |

В. Покровский. Народное образованіе въ Архангельской губ. въ связи съ проектомъ всеобщаго обученія 12 стр. Цѣна 20 к.

Записка Архангельскаго Городскаго Общественнаго Управленія о проведеніи къ Архангельску Восточно-Уральско-Бѣломорской ж. д. съ вѣтвью на р. Обь по проекту В. Н. Вольмана. Составлена В. А. Ленгаузъ и Е. П. Остроумовымъ, 52 стр. Цѣна 50 коп.

Г. Цейтлинъ. Поморскія народныя сказки. 21 стр. Цѣна 25 коп.

С. Посевъ. О низшихъ учебныхъ заведеніяхъ Вологодской губ. за 1910 годъ. 63 стр. Цѣна 40 коп.

И. Сибирцевъ. Къ біографическимъ свѣдѣніямъ о М. В. Ломоносовѣ. 24 стр. Цѣна 40 коп.

Ал. Крупкинъ, свящ. Вѣрованія пермяковъ-инородцевъ. 15 стр. Цѣна 15 к.

И. Тулубьевъ. Холмогорское скотоводство въ его историческомъ районѣ. 19 стр. Цѣна 15 коп.

И. Сурожъ. Къ вопросу о нуждахъ лѣсовъ нашего Сѣвера. 20 стр. Ц. 10 к.

М. Богословскій. Изъ исторіи поземельной общины на Русскомъ Сѣверѣ. 16 стр. Цѣна 25 коп.

М. Островская. О древне русскомъ одиначествѣ. 15 стр. Цѣна 10 коп.

Цѣны назначены безъ пересылки; можно выписывать наложеннымъ платежемъ.